

Ирина Дынина

Гуси-лебеди

Хозяйка Дремучего леса

18+

Ирина Дынина

**Гуси-лебеди. Хозяйка
Дремучего леса**

«Автор»

2023

Дынина И. В.

Гуси-лебеди. Хозяйка Дремучего леса / И. В. Дынина — «Автор»,
2023

Надоели попаданки? Ну, простите. Я не специально - Нет, этого не может быть! Только не со мной! У этой девушки, что, хвост? Глазам не верю! В кустах притаился мельник-оборотень? Какой ужас! В один, далеко не прекрасный миг, привычная жизнь Алёны накрылась медным тазом. Погибла Алёна в родном мире и возродилась в другом, стараниями коварной ведьмы. И, понеслось - милые убийцы-оборотни, меркантильные русалки, похотливая нежить, конкурс на звание невесты Болотного царя, принцы-изгнанники, странные слуги и амбициозные королевы. Алёна получила и некоторые бонусы – молодое, красивое тело, подругу-жабу и друга-кота, легкомысленного дракона-собутыльника и перспективу карьерного роста. Всего-то и надо – обуздать волшебную силу, прибить злую колдунью и спасти прекрасного принца. В приключениях участвуют: Неунывающая попаданка. Злая королева и прочие заговорщики. Разнообразная нечисть и нежить. Принцы и королевичи. Много. Целая гусиная стая. Волшебные предметы, которые, себе на уме.

© Дынина И. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1. Фигня случается внезапно	6
Глава 2	27
Глава 3.	43
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ирина Дынина
Гуси-лебеди. Хозяйка Дремучего леса

Автор выражает огромную благодарность Игуменовой Анастасии за прекрасную обложку, участие и понимание.

Часть 1. Фигня случается внезапно

Глава 1.

Алёна Дмитриевна Почесуха, женщина моложавая, целеустремлённая и энергичная, покинув салон своего роскошного автомобиля, милостиво кивнула личному водителю, отпуская абсолютно счастливого парня на свободу. Витюня, а именно так звали водителя моложавой дамы, благодарно улыбнулся строгой хозяйке и умчался в голубые дали с похвальной стремительностью, опасаясь, что эта самая дама, внезапно передумав, обломает Витюне все планы на остаток рабочего дня. Немалый, нужно сказать остаток.

Часы на запястье Алёны Дмитриевны показывали двенадцать часов. Полдень. Время обеда и приятных шалостей, которые, как надеялась дама, ожидают ее дома.

Редко, очень редко позволяла себе расслабляться Алёна Дмитриевна. Нелегко быть главной крупнейшей в городе строительной компании, особенно, будучи женщиной, особенно, с такой говорящей фамилией.

«Да чтоб на тебя Почесуха напала!» – желали друг другу заклятые друзья Алёны Дмитриевны, конкуренты-завистники, когда хотели напакостить, пусть не делами, но, хотя бы, мыслями.

И Почесуха нападала, перебивая и перехватывая контракты и радея о собственном благосостоянии, мало при этом заботясь о благополучии других.

Впрочем, это все дела. Бизнес.

Мысли Алёны Дмитриевны в этот самый, конкретный момент настоящего, занимало личное.

Надо сказать, что Почесуха, не смотря на свой, далеко не юный возраст, являлась счастливой новобрачной. И пусть бракосочетание, как таковое, случилось три месяца назад, Алёна Дмитриевна до сих пор никак не могла выпасть из состояния любовного томления и счастливого блаженства.

Разумеется, дома. На бизнес, как таковой, счастливое супружество никак не повлияло.

Напрасно конкуренты надеялись на то, что молодой муж, окруживший Алёну Дмитриевну заботой и вниманием, смягчит ее черствое сердце. А вот, фигурки! Сердце бизнес-леди смягчалось только для одного-единственного человека.

Молодой муж был действительно молодым.

Олегу Павловичу Говоркову недавно исполнилось тридцать и это против сорока двух его состоятельной супруги!

Немалая, надо сказать, разница в годах!

Алёна Дмитриевна старалась поддерживать себя в форме и не позволяла себе обабиться. Худошавая от природы, она обладала прекрасной, как сейчас принято говорить, «европейской» фигурой, без всяких там выдающихся округлых излишеств, способных нарушить центр тяжести и привести к пагубным заболеваниям опорно-двигательной системы.

Эти самые округлости, появившись они в нужных местах, разумеется, могли бы сделать Алёну Дмитриевну гораздо счастливее, но, на нет и суда нет.

– Как-нибудь и без них проживем! – легкомысленно отмахивалась Алёна Дмитриевна от предложений коварных подруг-завистниц и категорически отказывалась вступать в интимную связь с ножом пластического хирурга. – Лишнее это, да и зачем? В моем-то возрасте?

Так и было некоторое время назад. До той, судьбоносной, встречи с Олегом.

С Олегом Говорковым, специалистом-программистом, Алёна Дмитриевна познакомилась в санатории, куда приехала отдохнуть и, попутно, порешать кое-какие вопросы.

Прибыла она в санаторий не одна, а в компании ещё одной дамы, некой Татьяны Квитко, такой же леди от бизнеса, как и сама Алёна.

Но, в отличии от Почесухи, Квитко, давно и прочно пребывающая в состоянии глубокого замужества, к своей внешности относилась нежно и трепетно, изменив в своем теле многое. Во всяком случае, нос, губы, грудь и, возможно, задница Оксаны, подверглись значительному улучшению.

Облагородив, так сказать, фасад, Квитко решила приобщить к таинству пластической хирургии и Алёну. А, где лучше всего заняться охмурением железобетонной сторонницы естественного? Конечно же, в санатории, попутно занявшись обсуждением кое-каких совместных проектов.

Вопросы порешались, вечер в ресторане закончился и, изрядно принявшая на грудь Алёна, неожиданно обнаружила, что осталась совершенно одна на пустынной дороге.

Поздней осенью, в распутицу и на каблуках!

Ни одного такси в поле зрения!

Ужас!

Как подобный конфуз мог случиться с ней, человеком, организованным и планирующим распорядок дня, Алёна Дмитриевна не знала. Пары коньяка, смешавшись с сигаретным дымом и громкой музыкой, до сих пор звучащей в голове, смутили подвыпившую дамочку и, как результат – отбившись от своих спутников, она осталась одна, черти где, но, совершенно точно, что далеко от места временной дислокации.

Замшевые туфли на каблуках никак не подходили для путешествия по грунтовой дороге, буквально на глазах, превращающейся в, размытую селем, тропку.

Замерзшая, как дворовая собака, Алёна Дмитриевна, кутаясь в пижонское пончо – черт бы его побрал, тонкое и непрактичное, ползла по раскисшей грязи, точно, беременная выводком бегемотов, контуженная черепаха.

Проклиная собственное головотяпство – ага, телефон мигал, намекая на то, что батарея вот-вот придут концы, бизнес леди с тоской вглядывалась в темные небеса и пыталась подробно рассмотреть далекие огни в окнах своего санатория.

«Я не иначе, как умом тронулась, согласившись поехать в подобную глухомань. – ужасаясь собственной сумасбродности, размышляла, неуклюже ковыляющая по раскисшей дороге дамочка. – Ладно, в Европы нынче особо не сунешься, но есть же множество других, более приемлемых, вариантов – Таиланд, Египет, Турция... Нет, только не Турция. – содрогнувшись всем телом, Алёна Дмитриевна почувствовала, как ей на голову упала первая капля противного, ледяного осеннего дождя. – Там постоянно то трясёт, то, топит, то, горит, а я совсем не любительница экстремальных видов отдыха. Кошмар! – на голову упала вторая, затем, третья, капли. – Хана прическе и, да здравствует насморк.»

Дождь задорно застучал по голым веткам, а у Алёны Дмитриевны открылось второе дыхание. Туфли на каблуках отправились ко всем чертям, то есть, в кусты на обочине и начался длинный забег по пересеченной местности.

Босиком, пусть и в колготках, бежать было холодно и непривычно, но гораздо легче чем на каблуках.

«Дурацкая ситуация. – сокрушалась Алёна Дмитриевна, представляя себе то огородное пугало, на которое она похожа в данный момент. – Меня, чего доброго, еще и в номер не впустят, в таком-то виде!»

Жалобно причитая и подвывая от злости – дождь припустил, удвоив старания, направленные на размыв дороги, Алёна Дмитриевна и не заметила, как, удивительно тихо, к ней, с тыла, подкралась какая-то, очень подозрительная с виду, машина.

Фары автомобиля осветили теплым желтым светом сгорбленную и промокшую насквозь женскую фигуру, и молодой мужской голос прокричал, перебивая громкий шум дождя, переходящего в ливень.

– Скорее! Забирайтесь в машину! Вы же совсем промокли!

Алёна Дмитриевна, упомянув вслух чью-то «мать», не стала кочевряжиться и шустро юркнула в теплый салон самых обычных, затрапезного вида, «Жигулей», громко лязгая зубами от холода и тихонько матерясь от остроты ощущений.

Матерясь мысленно – она же приличная женщина.

В данный момент, на приличную она походила мало – лохматая, промокшая, пардон, до трусов и лифчика, синяя от холода сверху и коричневая от грязи, снизу, она благодарно взглянула на своего спасителя, да так и замерла с открытым ртом.

Парень, выручивший ее из беды, фактически спасший от утопления в жидкой грязи, был красив.

Потрясающе красив. Как раз во вкусе Алёны Дмитриевны.

У парня имелись изумительно черные волосы, длинные, слегка вьющиеся и лежавшие красивыми прядями на широких плечах, отличные белые зубы – природные, а не талантливо сделанные дорогим дантистом, полные, чувственные губы, высокие скулы и пронзительно-синие глаза.

И всё это богатство находилось в непосредственной близости от, промокшей и похожей на неряшливую свинку, Алёны Дмитриевны.

Ей стало стыдно. От парня приятно пахло хорошим парфюмом, чистотой и свежестью, а от неё?

«Кошмар! – смутилась, обычно невозмутимая, Алёна. – Катастрофа! Что обо мне подумает этот славный молодой человек?»

Молодой человек думал о том, что, подобранная им из жалости, тётка, похожая на мокрую курицу, испачкает ему салон, заболеет воспалением легких и умрет у него на руках, не добравшись до места назначения. Вид у дамочки был откровенно жалкий, но часы на запястье смотрелись дорого, платье, облепившее костлявое тельце, куплено в приличном магазине, торгующим исключительно вещами известных брендов, да и сама женщина, не смотря на плачевное состояние организма, выглядела ухоженной.

«Бинго! – подумал парень, взглянув на тетку тепло и с сочувствием. – Это я удачно заехал.»

Олег Павлович Говорков помог своей неожиданной пассажирке добраться до нужного места, затем, до номера, ну и до постели.

Обычно, Алёна Дмитриевна бегала от таких красавчиков, спасаясь от них, точно чёрт от ладана, но в этот странный вечер, раскисшая от переживаний и угнетённая обстоятельствами, женщина изменила своим принципам и махнула рукой на мнение окружающих.

Впрочем, какое ей дело до чьего-то мнения? В этом санатории, Алёну Дмитриевну Почесуху видят первый и последний раз. Никогда и ни при каких обстоятельствах, она не заставит себя снова переступить порог заведения, в которое её, практически внесли на руках – мокрую, жалкую, похожую на бомжиху, обряженную в шмотки, которым самое место на городской помойке.

Администратор что-то возмущенно пискнул, но галантный спаситель попавших в беду дамочек грозно рыкнул в ответ, предъявил карту-ключ от номера и уверенно поволок свою добычу в логово.

Ну, то есть, в тот самый номер-люкс.

Там-то и случилось грехопадение, о котором Алёна Дмитриевна, впоследствии, совсем не пожалела.

Утром, донельзя смущенная, имевшим быть ночью безумством, Алёна Дмитриевна Почесуха, которую Олег начал называть, просто и без затей: «Ленчик», спустившись на ресепшен, без колебаний оплатила своему спасителю путевку в этот самый санаторий, поменяла одноместный номер на двухместный и отдалась сумасшедшей страсти, захлестнувшей ее с головой.

– Мы тебя вчера потеряли, прости. – Машка Осипова, еще одна бизнес-вумен, такая же одинокая хищница, как сама Алёна Дмитриевна, ввалившись в соседний номер без стука, так и застыла с открытым ртом, прервав оправдания на полуслове – из ванной комнаты, одетый в махровое полотенце, небрежно обмотанное вокруг бёдер, вышел Олег и, ничуть не стесняясь посторонней дамы, чмокнул Алёну в пунцовую щечку.

– Пожалуй, я пойду. – Машка, продолжая пялить глаза на смазливового красавчика, пятясь спиной, отступала к выходу. – Выходит, зря Танька вчера так переживала. Ты в полном порядке и даже, лучше. Ладно, голубки, жду вас к завтраку...

– Мы позавтракаем позже. – сухо ответила Алёна Дмитриевна, которой очень не понравился хищный взгляд Машки, нацеленный на Олега. Почесуха испытала дикое желание ухватить нахалку за шиворот и, наподдав коленом по филейной части, выставить из номера. Алёна позволила себе расслабиться лишь после того, как за любопытной Осиповой захлопнулась дверь.

Олег, конечно же понимал, как ему повезло – встретить на пустынной дороге обеспеченную, незамужнюю, а, главное, богатенькую и не избалованную мужским вниманием, мадам, случается не каждому. Но, насколько на самом деле ему подфартило, он понял только тогда, когда попал в квартиру этой самой мадам, проживавшей в городе Каменске, в который они и отправились, покончив со своим горячим отдыхом.

Двухуровневые апартаменты в центре города произвели на Олега впечатление.

Сам красавчик вынужденно ютился в общежитии, в которой обретался на птичьих правах, пользуясь своей популярностью у лиц противоположного пола.

Во всяком случае, в общежитии его исправно кормили, обстирывали, обглаживали и ублажали.

Да-да, как слышал сам парень, краем уха естественно, существовала даже очерёдность.

Его всё устраивало. До встречи с Алёной Дмитриевной.

Неожиданная встреча изменила всё!

Парень отлично прижился в этой уютной квартирке. Ему нравилось буквально все, но особенно то, что дорогая Алёна большую часть дня проводила на своей работе, занимаясь делами, счетами и прочей лабудой, до которой самому Олегу не было никакого дела.

Альфонс скажите вы?

«Да, альфонс. – согласится Олег и пожмет плечами. – Так получилось. Но, ласковый и красивый. Чего еще бабам надобно?»

Бабам, то есть, одной и конкретной, требовалась уверенность в завтрашнем дне и поэтому, за каждым шагом молодого любовника Почесухи, следил умелый и надежный детектив. Алёна Дмитриевна хотела знать о своем обоже всё – где, когда и с кем.

Детектив расстарался и бизнес-леди приятно удивилась результатам расследования – Олежек ни с кем не путался, не пытаясь смотреть в сторону фигуристых дамочек, порхающих по городу в обтягивающих юбочках и демонстрирующих всем и каждому пухлые губки, крепкие грудки и волосы до попы.

Быть может, подумаете вы, Говорков имел иные, нетрадиционные, скажем так, пристрастия?

Ничего подобного – мужчин, мускулистых качков с кубиками на прессе, Олежка игнорировал так же, как и соблазнительных девиц, сохраняя верность своей бизнес-леди, встреченной им однажды на ночной дороге.

Казалось, он полностью счастлив и доволен судьбой. Детектив уверил нанимательницу в том, что в жизни Олега нет других женщин, как нет и посторонних мужчин (тьфу-тьфу, три раза и всё через левое плечо), получил гонорар и был таков, а Алёна Дмитриевна, через шесть месяцев совместного проживания с кандидатом в мужья, присмотрев в дорогом бутике умопомрачительное свадебное платье, отправилась в загс со своим молодым избранником, благо, что в наше время подобным мезальянсом особо никого не удивишь.

Семья Почесухи восприняла в штыки молодого супруга Алёны Дмитриевны.

Надо сказать, что отношения с близкой родней у Алёны не ладились со времен далекой молодости.

Любовь родителей, вся и без остатка, была отдана младшей дочери, сестре Алёны, Оксане. Оксана, будучи младше сестры на семь лет, ребенком росла болезненным, мнительным и хитрым.

К тому же, в отличие от Алёны, похожей на отца – высокого, сухопарого мужчины, Оксанка пошла в мать – пухленькую, блондинистую и уютную.

Сколько помнила Алёна, Оксана всегда и везде старалась досадить старшей сестре.

Странно, но маленькая Алёнка мечтала о том, чтобы иметь младшего братика.

– Смотри, мама, – девочка тыкала пальчиком в яркую картинку на странице книги. – у сестрицы Алёнушки обязательно должен быть братик Иванушка. О том во всех сказках говорится.

– Не обязательно. – Алёнкина мама, пока что, не задумывалась о втором ребёнке. Одного бы на ноги поднять, куда уж до второго?

– Нет, ну как же без братика? – канючила девочка, отказываясь воспринимать аргументы родительницы. – Обязательно нужен братик. Без братика никак. Кого же я жалеть и спасать стану от злой бабы Яги? Вот родишь братика, и я подарю ему свою самую любимую куклу.

Но, родилась девочка. Сестренка. Оксана.

Алёнка с радостью подарила бы сестричке всех своих кукол, но Оксанка не нуждалась ни в её подарках, ни в её внимании, ни в сестринской любви.

Любимую куклу Алёнки сестричка разломала в свои два годика – просто взяла и оторвала игрушке голову, да еще и руки-ноги, так, чтобы уж, наверняка.

Алёнка начала было возмущаться, но Оксана ударилась в рёв, прибежала мама и, виновной во всех бедах, конечно же, оказалась старшая сестра.

С тех пор, пошло-поехало – и жадная она, и невнимательная, и нечуткая, и жестокая. Ленивая, потому что не хочет убирать за Оксанкой игрушки, черствая – потому что пожалела для младшей свою косметику, эгоистичная – от того, что хочет новое платье, в то время, как у Оксанки возникла потребность в модных туфельках.

С каждым разом, добиваясь своего, а это происходило всегда, ведь Оксана из родителей веревки вила, младшая сестра становилась всё капризней и требовательнее, задвигая на задний план потребности и желания самой Алёны.

Девушка мечтала поскорее закончить школу и уехать. Куда-нибудь, подальше, в место, где её не достанут капризы младшей сестрички.

– На нас не рассчитывай. – предупредила мать, поджав губы. – Оксане в музыкальный институт поступать. Знаешь же – она мечтает о карьере эстрадной певицы, а на это много денег надо. В наше время даже таланту бесплатно никуда не пробиться.

Алёна криво усмехалась, слушая, как Оксана старательно завывает в караоке.

Сама Алёна после школы, как и планировала, уехала учиться и строить карьеру, добиваться лучшей жизни собственными силами, а Оксаночка осталась под крылышком у родителей. Не было у младшей сестры ни голоса, ни слуха. Но, разве кому и что докажешь? Для родителей даже учителя музыкальной школы не являлись авторитетом.

– Иди в магазин, работать продавцом. – настаивала мать, не понимающая желания старшей дочери выпорхнуть из отчего дома. – В магазин на площади, как раз, требуется девушка приятной наружности. – Алёна заметила, как мать скептически окинула взглядом старшую дочь. – Платят хорошо. Нам поможешь денег собрать Оксанке на учебу.

– Ну, уж нет. – хмыкнула Алёнка. – Сами собирайте. Я в город поеду, учиться. Мои оценки позволяют поступить на бюджет, в строительный институт.

– Ну и дура! – вспыхнула мать, очень сильно рассчитывавшая на то, что дочь останется и станет приносить в дом деньги. – Кому ты нужна, в этом городе? Жить на какие шиши собираешься? Ещё в подоле принеси, посмей! С тебя станется. Смотри, у нас лишних денег нет. Отец, скажи ей, чтобы прекращала дурью маяться и за ум бралась. Ишь, выискалась – институт ей подавай!

Оксана юлой вилась вокруг матери и хихикала – младшая была уверена в том, что в никакой институт Алёна не поступит и, вскорости, вернется домой, поджав хвост, а вот она, Оксана, обязательно добьется своего и станет самой известной певицей. Звездой!

И, впрямь – внешность у Оксаны была подходящей. Девушка напоминала куклу Барби – смазливое личико, нежная кожа, точеная фигурка и волосы до попы.

– Многие звезды отечественной эстрады выглядят куда хуже меня, – рассуждала Оксана. – поют под «фанеру», а зарабатывают миллионы. Я гораздо талантливее их и красивее. У меня всё получится, а, Алёнка.. Да кому она нужна, вобла сухая?

Конечно же, Алёна поступила в институт и с головой ушла в учебу. Приходилось экономить буквально на всём, подрабатывать и, иногда, даже голодать. Не в лечебных целях, как некоторым, а, по – настоящему.

Студентку выручала бабушка, мать отца, тайно совавшая девчонке лишнюю копейку.

И, каково было негодование родственников, особенно младшей сестры, когда они узнали о том, что свою квартиру, бабуля подарила старшей внучке, оставив прочих с носом.

Мать и сестра, объявившись у нотариуса, насели на Алёну и принялись настаивать на том, чтобы она немедленно и без споров, отписала квартиру младшей сестре.

Алёна отказала – жёстко и категорически.

С тех пор, Алёна почти перестала бывать дома. Ей так и не простили бабушкиного самоуправства.

Оксана, как и собиралась, отправилась покорять столицу.

Учеба на певицу не задалась – девушка не прошла по конкурсу, затем, нарвалась на мошенников, вляпавшись в неприятную историю и еле унесла ноги из неприветливой столицы.

Зализывать раны она, естественно, приехала домой, где родители, наперебой, принялись утешать родную кровиночку.

Виноватой в бедах сестры опять объявили Алёну – это она, эгоистка и пройдоха, пожалела для сестры денег. Оксана была уверена в том, что, если бы Алёна продала бабушкину квартиру, то денег, как раз хватило бы на «звездную» карьеру младшей сестры.

– Это она, она, Алёнка виновата. – всхлипывая, точно заклинание, повторяла Оксана. – Тупая, жадная, завистливая сучка. Денег зажала для единственной сестры. Ничего, она еще пожалеет.

Несостоявшаяся звезда устроилась на работу в тот самый магазин на площади, в который всегда требовались девушки «миловидной наружности». Хозяином магазина являлся носатый грузин Гоги, питавший нежную страсть к смазливым блондинкам.

Между тем, даже не смотря на невзрачную внешность – «доска, два соска», как утверждала Оксана, Алёнка встретила своего принца. Пусть принц и был простым автомехаником и не было у него белого коня, а имелся в хозяйстве подержанный «Шевроле», Алёне парень казался настоящим красавчиком, имевшим в отношении девушки серьезные намерения.

Принц по имени Володя считал, что девушка с собственной жилплощадью – это уже выигрыш в жизненную лотерею, а если еще эта девушка на хорошем счету у руководства крупной, строительной компании, так это, просто подарок судьбы.

Алёна и Владимир съехались и стали жить вместе.

Дело продвигалось к свадьбе и девушка, приняв опрометчивое решение, известила родителей о предстоящем замужестве.

Родители известие восприняли положительно – пусть уж Алёна выходит замуж, может быть после этого её отношение к младшей сестре изменится и старшая, смягчившись, начнёт помогать Оксане материально. Все-таки, Алёна в большом городе живёт и работает, а в городе, как известно, зарплаты гораздо выше, чем в посёлке у чёрта на куличках.

В гости отправились на машине Владимира. Алёна, ради такого события, прикупила всяких вкусностей и подарков, благо, зарплату ей положили приличную. Хватало не только на хлеб с маслом, но и на тонкий слой икры.

Специалистом она была грамотным, сверхурочных не чуралась и по стройкам, в рабочей робе и каске на голове, бегать не брезговала, потому и рассчитывала на скорое повышение.

Приняли гостей тепло и даже приветливо. На удивление Алёны, Оксана вела себя достойно, лишь изредка стреляя глазками в сторону Владимира.

– Повезло тебе, Алёна. – сдержанно похвалила старшую дочь мама. – Видный парень твой Володька. И, рукастый. Работы, опять же, никакой не боится – видела, как отцу помог полив наладить? Нигде не течет, не брызжет.

Алёна неопределенно пожала плечами – Владимир и ей казался совершенством. Высокий, симпатичный, работает в автосервисе мастером. Девушка, все пыталась заставить жениха задуматься о высшем образовании, но парень отшучивался и говорил, что одного умника на семью, вполне достаточно.

К особой радости старшей сестры, Оксана, в кои то веки, помалкивала и не торопилась напускаться на Алёну с упреками. И, денег не просила. Подарку обрадовалась, звонко чмокнув сестру в щеку и громко поблагодарив за внимание.

Алёна удивилась, а мать, торжествуя, покосилась на старшую дочь – смотри, мол, Алёна, какая у нас Оксанка воспитанная и благодарная.

Приехали на пару дней, а остались на дольше – примчался дядька Толик и, слёзно умоляя будущего родственника, попросил посмотреть, дышащее на ладан, авто. Мол, кто поможет, если не Володька? Мастер, да еще из города, да ещё и за чисто символическую плату?

Володька не отказался, а мать подрядила Алёну на другую работу – собирать яблоки в фермерском хозяйстве.

– Вы, то, богатые, – аргументировала мать свое решение. – а у нас, каждая копейка на счету.

Алёна не кочевряжилась – она еще не забыла, что такое физический труд и нужда. Поэтому и согласилась, оставив будущего мужа на попечение родных.

Оксанка, ссылаясь на сильную загруженность в магазине, в сад не поехала. Осталась за мужиками присматривать – мало ли, вдруг им какую отвёртку подать срочно потребуется?

Присмотрела, называется.

Автомобиль дядьки Володька, естественно, починил, после чего это дело было предложено обмыть. Ну, как водится. Посидели хорошо, Володьку, непривычного к крепкой, дядькиной наливке, развезло и он отправился спать.

Засыпал один, а проснулся в объятиях голенькой Оксаны. Оксана сладко сопела в ухо Алёнкиному жениху, разметав по широким плечам парня свои белокурые волосы.

Скандал вышел оглушительным – Оксана рыдала, Володька глупо разводил руками, вспоминая аппетитные округлости молодой девушки и, как-то не особо сопротивлялся наскокам будущей тещи.

В общем, одну невесту поменяли на другую и все оказались счастливы.

Все, кроме Алёнки.

– Что поделывать, дочка. – развела руками мать. – У них любовь случилась, как в романах, с первого взгляда.

– Случились потрахушки, с дядькиной наливки и Оксанкиной подлости. – хмурая Алёна, делая вид, что не замечает торжествующего взгляда сестрички, торопливо бросала вещи в чемодан. – Что ж, как говорится – совет да любовь. – Алёна мрачно усмехнулась. – Но, ноги моей в этом доме больше не будет. Понятно? Можете продолжать целовать в зад свою драгоценную Оксану. Она вам ещё покажет своё истинное лицо.

Мать, привыкшая защищать младшую, любимую дочь, обидчиво поджала губы.

– Ну и скатертью дорога! – вспылила Оксана, которая, совершенно не чувствуя за собой никакой вины, разгуливала по дому в бесстыдно коротком халатике и насмешливо фыркала в сторону сестрицы. – Смирись уже, сестричка – Володька мой. Он в меня сразу же влюбился, как только увидел, а с тобой валандался из-за жилплощади. Жалко ему было денег за съёмную квартиру, вот он к тебе и прибился.

– Может, это и к лучшему, – позже, уже в поезде, решила будущая хищная рыба капитализма. – что мы не поженились. Было бы хуже, обнаружись у Володьки любовница после свадьбы. Как такое объяснить детям?

Детей, вот счастье, не случилось, а ведь Алёна вполне могла оказаться беременной. С Володькой они жили как муж и жена, а муж и жена, известное дело, не в куклы играют.

Но, судьбу не обдуришь. Поговорка о том, что на чужой беде своего счастья не построишь, придумана не случайно. Прожив пару лет с Оксаной, Володька не выдержал и сбежал. Белокурая несостоявшаяся певичка так и продолжала крутить шашни с носатым Гогой, а парень не желал примерять на себя корону рогоносца. Володька очень жалел о том, что позволил себе соблазниться прелестями младшей сестры и изменил старшей с Оксаной, но, что уж теперь локти кусать? Алёна слышать ничего не желала о предателях и на настойчивые просьбы матери помочь семье младшей дочери материально, отвечала категорическим отказом.

Подарки она делала только своей племяннице, дочери Оксаны и Владимира, малышке Юлии. Подарки делала, а встречаться с родственниками не желала.

Такие вот зигзаги, порой, выкручивает судьба.

Неудачное замужество, рождение ребенка и развод, превратили смазливую блондинку в завистливое и ноющее существо, обвиняющее весь мир в собственных бедах.

Конечно же Оксаночка и ее дочь Юлия были приглашены на бракосочетание Олега и Алёны.

Нет, Алёна Дмитриевна не хотела видеть родственников в своем доме в этот торжественный день, но на их присутствии настоял Олег.

– Не стоит обострять. – уговаривал Олег невесту. – Нужно постараться наладить отношение с твоими близкими. От этого всем станет только лучше. Мало ли что у вас там случилось, в прошлом. Пора забыть о разногласиях. Уверяю тебя, милая, – Олег прижался губами к острому плечу Алёны. – на прелести твоей сестры я не поведусь, а уж про дядькину наливку и вспоминать не стоит.

Но, лучше не стало.

Оксана отчаянно завидовала сестре – богатому дому, бизнесу, доходам и.. Мужу. Молодой парень, такой улыбчивый и мягкий в обращении, настоящий красавчик, не должен был достаться Алёне. За, что? За какие-такие заслуги, сестре, у которой и так все в жизни есть, достался молодой мужчина, более подходящий по возрасту дочери Оксаны, Юлечке?

Юлечка крутилась рядом и поджучивала мать и бабушку, настраивая их против Алёны.

Смазливую внешность девчонка унаследовала от матери, а хитрость и изворотливость у неё были свои собственные, природные.

Юля исходила желчью, захлебываясь слюнями, но не показывая виду. Её корежило от одного взгляда на Алёну, но молоденькая девушка всячески сдерживалась. Она не хотела, чтобы тётка видела в ней врага – подарки Алёна делала дорогие и нужные, не экономя на племяннице. Но, разве Юля могла оценить чужую щедрость? Нет, как это не прискорбно, но от осинки не родятся апельсинки.

Как же, так? Почему тетка Ленка – противная, мосластая бабень, живет в роскошной квартире в центре города, разъезжает на дорогой машине и тратит деньги на всякую чепуху, в то время, как Юля и ее мать вынуждены считать каждый грош в своем кошельке? Нет, Юля была в корне не согласна с таким положением вещей.

Копеечных алиментов, которые платил отец-неудачник, Юле всегда было мало. Она хотела иметь всё и сразу, немедленно, сейчас, пока она молода и красива. Алёна казалась амбициозной девушке старухой. И, надо же – у старухи, неожиданно, обнаружился молодой и красивый муж.

Почему жизнь так несправедлива?

Этот вопрос терзал Юлю день и ночь. Девушка замкнулась и на робкие расспросы бабушки отвечала звериным рыком.

Оксана же к дочери не лезла – она сама изводила себя, отчаянно завидуя сестре.

«Надобно делиться.» – решила Юлька и постаралась донести эту простую мысль до ушей матери и бабки.

И ничуть её не волновало то обстоятельство, что тетка, по своей сути – отрезанный ломоть, никогда не получала от родственников не то, что помощи материальной, но и моральной поддержки. Как уехала, так и всё – живи, крутись, как хочешь, а у нас Оксаночка. А, у Оксаночки тяжелые жизненные обстоятельства.

И, тот самый Володька, променявший богатую страшилку на Юлькину мать.

После ухода из ресторана и возвращения в квартиру Алёны, разгорелся скандал – мама Алёны плакала, Оксана – кричала, обвиняя сестру в чёрствости, жадности и распутстве, а хитренькая Юлечка, хлопала ресницами, шмыгала носом и тихо наблюдала за происходящим из укромного уголка.

Она всячески демонстрировала тётке свою нейтральную позицию – мол, тебе, тётушка, искренне сочувствую, но против родной матери идти не могу.

Извини и пойми.

Молодой зять, уединившись с тестем, молча пили коньяк, не встречая в бабьи разборки.

Наоравшись вдоволь, Оксана утатила мать в спальню и громко хлопнула дверью, а Юля, просочившись вслед за расстроенной теткой в ванную комнату, принялась извиняться за поведение родительницы и уверять Алёну в том, что она, Юля, никогда, ни за что и никак...

– Теть Лен, – шмыгая носом, говорила Юлька. – ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь. Так и знай.

Алёна Дмитриевна племянницу обняла и пообещала, что девочка будет принята в её доме, как родная в любое время.

Пообещала и забыла, но, когда, спустя некоторое время, Юля появилась на пороге квартиры, вспомнила и девушку за порог не выставила.

Юля приехала поступать в институт и страстно желала изменить свою жизнь к лучшему. Горбатиться за прилавком магазина, зарабатывать три копейки, как мать? Нет уж, увольте! А, уж о том, чтобы ублажать какого-нибудь знойного, горбоносого мачо и речи не может быть! Она, Юля, не такая и мать свою осуждает.

– Папа нас из-за этого бросил. – лицемерно вздыхала девушка, смотря в пол. – Он и меня не особо привечает, теть Лен. Наверное, жалеет о том, что маму выбрал, а не тебя.

Да, давняя история, почти забылась, прошло и перегорело, но Алёна поняла, что обида на сестру, всё ещё жива и умирать не собирается.

Но, Юлька же не такая? Племянница не должна отвечать за грешки своей легкомысленной мамы.

К тому же, училась Юля хорошо и в институт поступила, при чем, на бюджет, о чём гордо доложила тетке.

Алёна Дмитриевна пожала плечами, порадовалась за девочку и выделила комнату родной племяннице – все ж лучше, чем в общежитии и на продукты тратиться не надо.

Олег жену похвалил и всячески поддержал – мол, родная кровь, а добрые дела обязательно зачтутся, если не в этой жизни, то в другой.

Юля вела себя примерно и в личную жизнь родственников не лезла, демонстрируя широту взглядов и современность мышления. Она тетку не осуждала за то, что у неё молодой и красивый муж.

– Повезло тебе, тетя Лен, – говорила Юлька. – и дом у тебя – полная чаша, и с бизнесом все в порядке, и муж молодой имеется. Живёшь красиво, не то, что мы. Повезло.

– При чём здесь везение? – пожимала плечами тетка. – Пахать надо, а не строить воздушные замки. Знаешь, как говорят – под лежащий камень, вода не течёт. То-то же, а ты мне – повезло, повезло.

Юлька кивала головой и о чем-то сосредоточенно думала.

По всему выходило, что девочка собирается прислушаться к словам старшей родственницы и выгрызть у судьбы свой маленький кусочек счастья.

Да-да, Алёна Дмитриевна, любившая в делах порядок, Юльку проверяла, обратившись к знакомому детективу. Как выяснилось, племянница училась без дураков, по златным местам не таскалась, встречалась с однокурсником – приличным и скромным парнем и, как порядочная девушка не позволяла ничего лишнего, ни себе, ни ему.

Почесуха за племянницу радовалась – надо же, у истеричной Оксаны и, вдруг, такая разумная дочь.

Олег привычно пожимал плечами, намекая, что не обязательно то, что девушка похожа на мать. Вполне возможно, что Юля уродилась в тетку.

– А, ты молодец, Ленка. – красиво затягиваясь тонкой сигаретой и выпуская кольца дыма, похвалила однажды Алёну Дмитриевну заклятая подруга-соперница, Машка Осипова, та самая бизнес-леди, с которой, совсем недавно, Алёна яростно сражалась за обладание очередным контрактом на застройку в центре города. – Не каждая решится в твоём возрасте на столь крутые перемены. И мужика себе отхватила классного – молодого, красивого. В постели, небось, твой Олежка, еще тот жеребец!

Тогда Алёна жутко разозлилась – Машка, кривя полные губы, откровенно лыбилась, подмигивая Олегу, который спокойно дожидался, пока жена закончит деловой разговор. Очень не понравились Алёне те улыбки и авансы, щедро демонстрируемые Осиповой. Как будто та сама навязывала свое внимание чужому мужу.

Олег и глазом не моргнул, не обращая на ужимки посторонней женщины ни малейшего внимания, чем окончательно уверил супругу в своей неизменной верности и постоянстве.

«Старая гримза, – ярилась Алёна, почесываясь от негодования. – в её возрасте о вечном думать надо, а она.. Туда же, куда и люди! Сиськи, вон, себе сделала, размера пятого, не меньше, губы накачала и морщины к ушам притянула. Не женщина, а биоробот, ей Богу!»

То, что Осипова, всего-то, на пять лет старше самой Алёны, ревнивую жену ничуть не смутило. Кто сказал, что ей сорок два? Выглядит она на тридцать пять и не месяцем больше. Во всяком случае, так утверждал Олег, а Алёна ему верила безоговорочно.

Через пару дней Олегу исполнился тридцать один год. Алёна, как и положено любящей супруге, приготовила парню подарок. Она купила ему машину.

Разумеется, Олег не бил баклуши, работая удаленно и занимаясь всякими, мало понятными, компьютерными приключениями. Называлось это – фрилансер. Но, разве можно этим

самым фрилансерством прилично зарабатывать? Так, копейки, по мнению Алёны Дмитриевны. Машину, уж точно, не купишь, разве что развалюху какую, похожую на те, памятные «Жигули», на которых Олег умчал Алёну в её новую, счастливую жизнь?

Кроме того, Алёна решила сделать мужу приятное и, уступив уговорам нахрапистой Таньки Квитко, осмелилась на небольшие изменения в своей внешности – губы и татуаж. Этого, как подумала Алёна, будет вполне достаточно. Менять что-то в организме, более кардинально, она по-прежнему, категорически отказывалась.

Женщина сослалась на срочную командировку, внезапные переговоры и залегла в клинику, надеясь, что молодой супруг оценит её старания по достоинству.

Кроме этого, любящая супруга решила поздравить Олега лично, заявившись домой в неурочное время и отменив ради этого все свои деловые встречи и прочие текущие дела.

Совсем недавно она разговаривала с мужем по телефону, потом, слегка стесняясь, посетила магазин, приобретя комплект красивого нижнего белья, совершенно развратного, по мнению самой Алёны Дмитриевны вида и стоившего бессовестно дорого.

Деньги, впрочем, не самое главное – Олег любил, когда его Ленчик проявляла инициативу и старался растормошить свою, слегка зажатую супругу, так до сих пор до конца и не поверившую в состоявшееся личное счастье.

Водитель, встретив обновленную хозяйку, своих эмоций не выказал, но одобрительный прищур его глаз, женщину привел в отличное расположение духа. Пусть всего лишь водитель, но он же мужчина, муж и отец. Если бы Алёна выглядела глупо и смешно, скрыть это Витюне бы не удалось.

– Прибыли, Алёна Дмитриевна. – водитель вежливо приоткрыл двери и, не удержавшись, заметил. – Отлично выглядите. Командировка пошла вам на пользу.

Алёна Дмитриевна милостиво улыбнулась, неожиданно зардевшись от простецкого комплимента и отпустила своего работника до конца дня.

Подобное случалось редко и парень, не веря собственному счастью, поспешил скрыться с глаз руководства, опасаясь, что начальница спохватится и передумает.

Отпустив водителя, Алёна Дмитриевна немного прошлась по улице.

Конец сентября в этом году выдался удивительно жарким, почти летним. Алёна слегка упарилась в своем офисном костюме. Строгие юбка и пиджак, а, так же, белая блузка, туфли на высоком каблуке и деловая сумка с финансовым отчётом – все это создавало тот самый образ, который женщина тщательно оберегала и культивировала.

Она должна выглядеть собранно и по-деловому – в, конце концов, Алёна Дмитриевна ведь вернулась из длительной командировки? Согласно официальной версии?

Она тихонечко хихикнула – консьержка, Галина Петровна, с улыбкой на лице наблюдавшая за жиличкой из своего пыльного окошка, никогда бы не заподозрила, что под этим самым костюмом на Алёне надето сексуальное нижнее белье, неприличного алого цвета, да еще и со стразами.

Чувствуя себя нашкодившей малолеткой, вырвавшейся на волю из-под надоедливой опеки родителей и собирающейся совершить нечто очень неприличное, Алёна быстро побежала вверх по ступенькам, игнорируя лифт.

Ей хотелось петь и смеяться от счастья – в холодильнике остывало шампанское, клубнику домработница купила еще вчера, а дома женщину ожидал любимый мужчина, горячий и страстный.

А, впереди у них весь вечер и вся ночь.

Завтра, она, Алёна, поздравит Олега официально, в присутствии Юльки и вручит мужу свой подарок – автомобиль, перевязанный огромным бантом, но сегодняшний день принадлежит только им двоим.

В это время племянница находится в институте, грызет гранит науки и закладывает фундамент своей будущей, благополучной жизни. Юля, редко, когда, появлялась дома раньше пяти часов дня. Девочка проявляла чуткость, понимая, что супругам нужно побыть наедине и никогда не путалась под ногами.

Олег, вероятней всего, как обычно, сидит в комнате, уткнувшись носом в экран своего ноутбука. Как всегда, рядом стоит чашка с остывшим, невообразимо крепким и горьким кофе. Любимый ерошит тонкими пальцами свои прекрасные волосы и что-то нервно черкает в блокноте, то и дело щелкая кнопками мышки.

Он и не заметит её прихода. Она, Алёна, сделает любимому приятный сюрприз.

*

Открыв замок своим ключом, женщина проскользнула в квартиру тихо, как мышь.

Сбросив с ног, надоевшие до чёртиков, туфли, Алёна торопливо начала раздеваться, прямо в прихожей – стягивая с тела офисную одежду, точно змея старую шкурку.

С удовольствием окинув себя придирчивым взглядом, женщина сдержанно хихикнула – в зеркале отразилась высокая, худощавая незнакомка, щеголяющая вызывающе алым нижним бельем.

– Какая жуткая гадость эти «стринги», – поморщилась Алёна. – но, на какие только жертвы не пойдешь ради любви. Надо соответствовать, выбранному мной образу шаловливой распутницы. – и решительно всунула ступни в другие туфли, такие же алые, как и белье, да ещё и на высоченном каблуках, свергнувшись с которых, по мнению Алёны Дмитриевны, можно было легко свернуть собственную шею.

Легкой походкой, про такую ещё говорят – от бедра, женщина двинулась в сторону кабинета, в котором, как она предполагала, в это время и находится её молодой супруг.

«От бедра» получалось со скрипом – каблуки изрядно напрягали влюбленную даму, да и опыта хождения подобным шагом, она не имела. Но, женщина старалась соответствовать, желая удивлять и покорять.

«Сорок два, – думала Алёна, предвкушая изумление на лице собственного супруга. – не так уж и много. Можно сказать, что совсем ничего. У некоторых, в этом возрасте, жизнь только начинается. Кто знает, может быть мы еще решимся завести ребенка.»

С некоторого времени Алёна стала задумываться о детях. Впрочем, о детях – это громко сказано. Хотя бы одного, но родить нужно.

Но, пока что, она не могла решиться даже на собаку.

Щенок – это такая ответственность. Да и где найти время? Замуж она и то, случайно вышла. Как говорится – не было бы счастья, да несчастье помогло.

В кабинете Олега не оказалось.

Алёна удивилась – как же, так? Она недавно разговаривала с мужем и он, как ей помнится, отвечал из кабинета – гудел кондиционер, да и музыка звучала знакомая. Олег любит современных исполнителей, но сама Алёна предпочитает что-то более классическое, хотя и без фанатизма.

Ноутбук чернел экраном, и пустая кружка из-под кофе обнаружилась на привычном месте.

– Олег, совершенно точно, дома. – женщина хмыкнула, изгоняя из головы дурные мысли. – Может быть, он устал пялиться в монитор и решил отдохнуть? Что ж, это даже лучше – спальня, как раз то самое место, где мы отыщем достойное применение моему новому белью.

Поднявшись на второй этаж, Алёна осмотрелась – двери в спальню оказались прикрыты, но неплотно.

– Кино смотрит? – удивилась Алёна, прислушиваясь к звукам из-за двери. – Что-то эмоциональное. Странно и так непохоже на моего Олега.

Звуки и впрямь раздавались необычные – сочные такие, охающие. Очень напоминающие те, что издавала сама Алёна, так сказать, в процессе..

– Порнуха? – округлив глаза, Алёна толкнула дверь и застыла, сравнившись цветом кожи со своим новым бельем и чувствуя себя абсолютно круглой дурой, которую поймали по полной.

Спальню любящая супруга переделала совсем недавно, превратив, некогда обычную, выдержанную в пастельных тонах, комнату в некое волшебное местечко.

Олегу нравились зеркала, хром и черная мебель.

Самой Алёне дизайн казался мрачноватым, но молодой муж выгодно отражался в каждом из зеркал и вызывал избыточное слюноотделение у любящей супруги. Алёна смущалась, Олег смеялся, аргументируя тем, что все естественное – не безобразно и нечего усложнять, делая из мухи слона.

Сейчас же, стоя столбом в дверном проеме, обряженная в дурацкие алые «стринги» и лифчик, усыпанный стразами, покрасневшая, точно, сваренный в крутом кипятке, рак, Алёна, задыхаясь от негодования, наблюдала за тем, как в её собственной постели, предаются плотским утехам парочка молодых, красивых и раскованных людей – её любимый муж Олег и, как это ожидаемо и, в то же время, горько, племянница Юля.

Белокурый ангелочек, восемнадцати лет от роду, приехавший в город для того, чтобы покорять вершины экономики в местном вузе, в данный момент забрался на совершенно другую вершину, находясь на пике блаженства и от этого самого блаженства повизгивая тоненьким голосом.

– Ой! – верещала Юля, подпрыгивая и изображая из себя умелую наездницу на ретивом жеребце. – Олег! Какой же ты! Ещё! Ещё!

«Жеребец» старался, обхватив филейную часть партнерши крепкими руками и сильно вдавливая круглые ягодички в свои бедра. На белоснежной коже оставались следы пальцев, но ни Юлю, ни Олега это ничуть не беспокоило.

Парочка самозабвенно предавалась любовным безумствам, отражаясь во всех зеркалах сразу, а зеркал в этой комнате хватало. Тех самых зеркал, которые Алёна установила в спальне по желанию своего молодого мужа.

Последнее обстоятельство взбесило её больше всего.

Обманутая супруга, чувствуя себя преданной и оплеванной – снова!! – самыми близкими людьми, стянула с ноги стильную туфельку и размахнувшись, швырнула её в самое большое зеркало.

«Разбитое зеркало – к беде, говорите? – озлившись, подумала Алёна. – А, мне – плевать! Беда случилась гораздо раньше, чем разбилось это стекло!»

Зеркало разбилось.

Серебристые стеклянные звезды брызнули в разные стороны, преимущественно на постель, осыпав колючими осколками парочку, пребывающую в экстазе.

Алёне показалось, что вся её жизнь, разбившись, словно это самое зеркало, рушится и корежится.

– Ай-я-яй! – заверещала Юлька, выгибаясь дугой. Девушка, казалось и не заметила того, что в комнате появилось постороннее лицо. Вернее, какое там постороннее? Фурия в бешенстве появилась, глаза которой метали молнии и обещали кучу неприятностей заигравшейся парочке.

Обнаружив на пороге спальни разъяренную супругу, Олег поспешно спихнул с себя Юльку и, страшивая с волос осколочки стекла, выпрыгнул из кровати, роняя на пол измятую простынь.

– Дура старая! – это единственная племянница, выпав из состояния нирваны, принялась орать в голос. – Тупая, старая дура! Чего наделала? Мы же голые, а кругом стекло! Ой, я порезалась! Олег, чего застыл – помоги мне!

Алёна, сама себе удивляясь, даже не поморщилась, слушая Юлькины причитания.

– Какой противный у неё голос, – размышляла обманутая жена, мимолетно отмечая, что фигурка у Юльки совсем не угловатая, а женственно-округлая, и соски торчат задорно, и стрижка модная, там, внизу живота. – Оперилась девочка, – прищурилась Алёна. – отъелась на моих харчах. А я, точно дура и есть. Ей еще и деньжат подкидывала, чтобы племянница не выглядела серо, как церковная мышь.»

– Ленчик, милая, – Олег, поспешно втиснувшись в узкие джинсы, пытался застегнуть молнию, рискуя при этом прищемить самое дорогое. Нижнего белья парень не носил принципиально, чем безумно смущал свою, постоянно стесняющуюся, жену, то и дело вгоняя женщину в краску. – Это совсем не то, что ты подумала. Я тебе всё объясню.

«Точно, сейчас поранится, – равнодушно подумала Алёна, наблюдая за прыжками молодого, пойманного с поличным, супруга. – Ну, вот, я же говорила!»

Олег взвыл – молния, все-таки схватила не то, что нужно. Лицо парня исказилось от боли. Он принялся скакать и приплясывать, рванув собачку вниз.

– Кровь! – заверещала Юлька и не подумавшая прикрыть срам. – Олег, у тебя там кровь!

Обвисшее и поникшее достоинство кровоточило и выглядело смешно и нелепо. По крайней мере, для разъяренной супруги.

– Перекисью полей. – хмыкнула Алёна, внутри у которой всё оледенело. Она не сделала ни единого шага в направлении своего мужа. Казалось, что она совершенно посторонняя женщина, по ошибке заглянувшая в чужую спальню и случайно встрявшая в чьи-то частные разборки. – Говорят, помогает.

– Старая сука! – Юлька, пулей метнувшись, уже тащила упомянутую перекись для своего обожаемого Олега. – Дрянь! Мы любим друг друга, и ты ничего не сможешь сделать ни мне, ни Олегу!

Алёна округлила глаза – её пытаются оскорбить в собственном доме? И, кто – неблагодарная малолетняя шлюшка, мокрощелка, которую поймали на чужом мужике?

Надо же, до чего раскованная нынче пошла молодежь!

– Пошла вон. – спокойно бросила Алёна, чувствуя себя весьма странно. Как-то не привыкла она находиться в центре чьих-то любовных разборок. Как она могла так глупо влипнуть, ведь всё было ясно с самого начала?

Снова! Тем же местом, на те же грабли!

Закусив губу, женщина сузила глаза, ругая себя самыми последними словами.

«Старая дура! – вторила Алёна словам родной племянницы. – Любви ей, видите ли, захотелось. Нашла себе жиголо и вообразила, что этот красавчик повелся на древние мослы? На грудь, минус второго размера? На сорок два года и седину в крашенных волосах? Нет, тупая дура, он повелся на твое бабло и возможность красиво пожить за чужой счет. А, тут еще и девчонка смазливая сама в штаны лезет. И идти никуда не надо – одна дурочка содержит, вторая ублажает. Шикарно пристроился мужик, ничего не скажешь. Манипулятор хренов. Мачо из провинции.»

Олег, все-таки справился со своими штанами, запрятав пострадавшее достоинство поглубже. Оттолкнув Юльку, которая так и не подумала что-нибудь на себя набросить, продолжая сверкать голым задом и прочими прелестями, весьма пышными, нужно признать, взглянул на Алёну взглядом того самого котика из Шрека – виноватым и умоляющим.

– Ленчик, милая, ну прости ты меня, дурака. – произнес он, легким движением роняя свои красивые волосы на широкие плечи. – Ну, она сама на меня залезла, пока я спал. Пока разобрался, в чем дело, оно, как-то, само собой получилось. Что ж мне, спихнуть её нужно было?

– Ага, – хмыкнула Алёна, борясь с желанием грохнуть еще парочку зеркал, швырнув в них что-нибудь тяжелое. – и, небось, не в первый раз. Как же, как же, слышали мы про такое – он спал, а она его имела!

В отличие от Олега, племянница оправдываться не собиралась. Юлька сразу перешла в наступление.

– Мы любим друг друга. – Юля решила, что лепет Олега – это защитная реакция нежного и ранимого мужского организма. – Ты же его просто купила своими деньгами. Купила моего Олега! Он, между прочим, не раб и тебе не принадлежит! Совсем я смотрю, ты тут, в своем городе оскотинилась – заставляешь его пахать, как проклятого. Днем деньги твои поганые зарабатывать, а, ночью – сексуально эксплуатируешь! Да-да, – выпучив глаза, Юлька странно походила на торговку с привокзального рынка, только голую и совсем больную на голову. – я все знаю! Известно мне, как ты получила свои миллионы! Мошенница!

Оторопев от несправедливых и совершенно диких обвинений в свой адрес, Алёна Дмитриевна сделала шаг назад, а, ободренная отступлением соперницы, поймавшая кураж Юлька, оперев руки в бока, продолжала орать.

– Да над тобой же все смеются – все-все-все, так и знай! И соседи твои ржут, как кони, и сотрудники на фирме, и водила, и даже консьержка, тетка Галка! Хохочут в голос над глупой бабищей, вообразившей себя Аллой Пугачевой. Только ты – не она! А, Олег – мой. Он – мой, так и знай. Мы поженимся. И у нас будет ребенок! – Юлька взглянула на тетку взглядом победительницы – совсем уже скоро, а ты, калоша старая, уже никому и никогда никого не родишь!

– Какой ребёнок? – Олег округлил глаза. – Откуда он взялся, этот ребёнок?

– Так у вас не просто потрахушки? – криво усмехнулась Алёна Дмитриевна, глупо переминаясь с ноги на ногу и испытывая дикое желание вцепиться бесстыжей Юльке в разлохмаченные космы. – У вас большое и светлое чувство? Я без претензий – как говорится, плодитесь и размножайтесь.

Чувствуя, как на лбу, прямо-таки, ощутимо пробиваются молодые и ветвистые рога, Алёна сбросила с ноги второй туфель, зачем-то пнула его и, выпрямившись, словно шпала, на деревянных ногах зашагала прочь, в свою собственную комнату, намереваясь стянуть с себя глупое белье, вызывающе-алого цвета и натянуть что-то другое. Да хоть халат старый, лишь бы прикрыться.

– Ишь ты, – ругала она себя самыми безжалостными словами. – любовь-морковь и умерли в один день. Нет, Алёна Дмитриевна – с тобой, точно, что-то не так. Тряпка ты, Алёна Дмитриевна, лохушка последняя. Развели тебя, как ребенка, а ты и уши развесила. Татуаж, губы накачала, чтобы молодому жеребцу понравиться. Ан, нет – жеребцу клячи без надобности, ему кобылок молоденьких, необъезженных подавай. Дура старая, как есть, дура!

Обидно было до слез, но, слез-таки и не было. Глаза женщины, совершенно сухие от злости, смотрели только вперед. Там, из-за спины Олега, Юлька что-то верещала своим звонким голосом, звучавшим резко и противно.

– Соседей-то как порадовали. – хмыкнула Алёна Дмитриевна, снимая с вешалки очередной офисный костюм приятного цвета «кофе с молоком». – Такое шоу и забесплатно. Тот наша консьержка лыбилась, словно не в себе – небось знала, курва, чем в мое отсутствие голубки занимаются в моем же собственном доме. Ну, ничего, – мстительно ухмыльнулась Алёна. – недолго ей улыбаться. Я, сегодня же потребую, чтобы уволили старую интриганку. Ишь, разврату потворствует, а тем, кто ей зарплату платит, еще и в спину плюет.

– Алёна, нам надо серьезно поговорить. – Олег вошел в комнату и остановился в дверях. Он так и не соизволил набросить на себя рубашку, оставаясь в джинсах и босиком, прекрасно зная о том, какое убойное впечатление производит сочетание синих глаз, черных волос и широких плеч, покрытых шикарным, бронзовым загаром.

– Отличный солярий, однако. – равнодушно мазнула взглядом по лицу молодого супруга Алёна. – Надобно запомнить и наведаться.

Странно, но её охватило какое-то ненормальное спокойствие. Орать и скандалить? Нет уж, увольте – ей давно не двадцать и даже не тридцать.

– И, даже не сорок. – горько вздохнула Алёна Дмитриевна, выуживая светлые туфли, взамен тех самых, что валялись в спальне среди кучи битого стекла. – Н-да, в одном Юлька права – я, совершенно точно, тупая! Они ведь давно снюхались, а я ничего не замечала, курица слепая.

– Алёна! – Олег слегка повысил голос, пытаясь привлечь внимание обманутой супруги. – Послушай меня, милая. Нам надо поговорить.

– Нет нужды нам с тобой разговаривать, – Алёна Дмитриевна, натянув на себя привычную шкурку, почувствовала себя снова защищенной и уверенной. – все и без того ясно. Совет, да любовь. Забирай свою подружку и вон отсюда. Ключи оставишь в прихожей на тумбочке. Я – в офис. У меня внезапно наметилась срочная встреча с моим адвокатом.

– Как глупо. – Олег глубоко вздохнул, нацелив на оскорбленную супругу взгляд своих синих глаз. Взгляд был нежным и каким-то липким.

– Уставился, точно загипнотизировать решил. – невольно поморщилась Алёна Дмитриевна. – Нет, мальчик, второй раз со мной этот фокус не прокатит. Прости, но на ушах не осталось места для очередной порции лапши. Иммуитет прорезался внезапно.

– Олег, не унижайся. – Юля, все-таки удосужилась набросить на себя легкий халатик, между прочим, как и многие остальные вещи, подаренный любящей тётушкой. – Пусть катится. И никуда мы отсюда не уйдем – ты, как супруг, имеешь право на часть имущества. Законную часть! – Юлька, корча из себя специалиста по семейному праву, важно выставила вперед указательный палец, тыча в тётку кроваво-алым ногтем, хищным и заостренным. – Ты много работал, обеспечивая доходы ее фирмы. Она же тупая, ты сам мне говорил, что мозгов в той голове днем с огнем не отыскать. – и Юлька глумливо ухмыльнулась. Ей очень нравилось говорить богатой родственнице гадости прямо в лицо, безнаказанно и ничего не боясь. – Естественно, в суде все решится в твою пользу. Получишь половину всего, и мы поженимся.

– Как скажешь. – пожала плечами Алёна Дмитриевна, решив не вступать в глупые пререкания.

– Надо же, – удивилась женщина, с достоинством проходя мимо Олега и даже не смотря в сторону вероломного обманщика. – половину! Ишь, как её разбирает. Нет, девочка, не для того я столько лет корячилась и ползла вверх по ступенькам, отпихивая локтями конкурентов и выгрызая с кровью свой кусок пирога. Не на ту напала. Надо же, половину. Аппетиты, однако. Ошиблась я в ней. Как есть – дура-дурой. Маменькина порода, сразу видно. Весь ум в сиськи ушел, до головы не добрался.

Олег оттолкнул Юлю в сторону и бросился за Алёной, сетуя на собственную глупость.

– Идиот! – сам себя корил парень. – Говорили же придурку – держи ширинку на замке! Нет же, залез на эту.. – и он с неприязнью взглянул на растрёпанную и потную Юльку. – Кукла чертова! Теперь все прахом! Ленчик, милая, подожди, ну нельзя же так, с плеча.

Юля никак не могла понять – зачем, зачем любимый унижается перед этой старой каргой? Вы только посмотрите на неё – вырядилась, как последняя шлюха! В гипюровое белье со стразами, да еще и «стринги» напялила на свой дряблый зад! – Юлька злобно хихикнула. – Татуаж набила, кляча старая, древняя, как дерьмо мамонта. Ну, уж нет – Олега Юлька ей не отдаст. Она и он, просто созданы друг для друга и никакие богатенькие тётки не встанут между ними.

Алёна Дмитриевна вышла из квартиры, не оглянувшись. Она знала, что в отличие от глуповатой племянницы, Олег далеко не дурак. Парень прекрасно понимает, что при разводе

ему ничего не светит. Разве что, вещи личные заберет и Алёнины подарки. Ну и пусть – жена у него была богатая и мелочиться не станет.

– Что же касается Юльки, – Алёна Дмитриевна мстительно прищурилась. – в общаге деликатесов не подают, и тараканы бегают галопом. Ничего, пускай привыкает, принцесса безмозглая – Алёна, вон, тоже в общаге пожить успела, в своё время. Богатство и сладкая жизнь, ей не сразу в руки свалились.

– Олег, успокойся, она ушла. – Юлька повисла на шее у парня, щекоча ему грудь своими растрепанными волосами. – Ты же не станешь позориться и не побежишь её догонять?

Олег, оттолкнув девушку в сторону, бросился к окну, отдернув штору в сторону – Алёна, вот-вот должна была выйти из подъезда.

– Олечка? – Юлька обняла парня за плечи, прижавшись лицом к его щеке. – У нас всё будет замечательно, вот увидишь.

– Замечательно? – Олег едва не сорвался, отстраняясь от белобрысой дурочки. – Что, замечательного ты увидела в том, что она оставит меня без копейки и выставит вон. Куда нам с тобой идти? В вашу деревню, к твоей мамочке под бочок?

– Почему, в деревню? – Юлька глупо захлопала ресницами. – Зачем, к маме? Разве мы не можем остаться в этом доме? Ты же мне говорил, что богат, что всё принадлежит тебе, а моя тётка – просто толковый экономист на вашей фирме.

– Имущество записано на неё. – жестко ответил парень, роняя задницу на диван и ероша волосы тонкими пальцами. – Так было надо, Юль. Налоги, да и другие нюансы ..

– Но, это же глупо. – пролепетала Юлька. – Как же мы теперь? Как, я? Как наш ребенок? – Какой ребенок, Юль? – парень покосился на девушку. – Нам с тобой жить негде, а ты о ребенке толкуешь.

– Тётка должна отдать твою часть. – надула губы Юля. – Мы пойдем в суд и там..

– Никто ничего не отдаст. – резко произнес парень. – Она не станет делиться, тем более, в такой ситуации. Я бы не стал. Сама подумай – она чувствует себя обманутой и униженной.

– Ты совсем ничего не получишь? – глаза Юли наполнились слезами. Губы девушки задрожали от обиды. Она всё так прекрасно распланировала – совместную роскошную жизнь с любимым мужчиной, ребенка и все остальное, намеревалась забрать маму из той глуши, в которой она прозябала и, что? Что теперь?

– Получу, – спокойно ответил Олег, вздыхая и ломая пальцы, якобы от отчаянья. – но только в том случае, если Алёна умрёт. Тогда, как законный супруг, я получу всё.

– Умрёт? – завизжала Юля. – Да она здорова, как бык! Как же, сдохнет она! Она ещё нас с тобой переживет.

– Ну, мало ли, – пожал плечами парень. – в жизни всякое случается. Шла по тротуару и кирпич на голову упал или, переходила улицу и под машину попала. Главное, чтобы она не успела переписать завещание. Прости, Юль, – парень виновато развел руками. – но я ничего не могу изменить. Ленка сказала, что идёт к адвокату, а у неё очень толковый адвокат. Она оставит меня без штанов, да ещё и долг какой-нибудь подвесит. И, ты, – парень с сочувствием взглянул на смазливую блондиночку. – ты тоже брала у неё деньги. Готовься, Алёна злопамятна – она и тебя заставит платить по счетам.

– Шла, шла и не дошла... – Юлька злобно сжала губы. – Ну, уж нет, тетушка, ничего у тебя не получится! Никаких таких долгов я признавать не собираюсь. Олег, – девушка быстро влезла в джинсы и торопливо застегнула пуговицы рубашки, позабыв про лифчик. Грудь Юли волнительно колыхалась, обтянутая тонкой тканью. – у нас с тобой всё будет прекрасно. Тетка Ленка должна смириться и оставить нас в покое. Она – старая, морщинистая, некрасивая баба, а, деньги.. Мне с тобой и в шалаше будет хорошо, мы же любим друг друга.

– Где, в шалаше? – горько усмехнулся Олег, который, точно коршун наблюдал за растерянной девушкой. – Она никогда не оставит меня в покое. Еще и в тюрьму отправит. Я же тебе

толкую, милая – тётка твоя, редкостная стерва, при чем, стерва мстительная. Нет, не будет счастья ни мне, ни тебе, – Олег нежно поцеловал девушку прямо в животик. – ни нашему малышу. Никого не пощадит. Вспомни, она так и не простила твою мать, за столько – то лет.

– Как это, в тюрьму? – охнула Юлька, изменившись в лице. – За что? Ты же такой милый.

– Был бы человек, а статья найдется. – горько произнес Олег, пряча глаза. – Прости, Юль, но из тюрьмы я мало чем смогу помочь тебе и ребёнку. Самому бы выжить. Тем более, Ленка всегда может заплатить какому-нибудь уголовнику и устроить мне «красивую» жизнь с летальным исходом в краткосрочной перспективе.

– Старая жаба! – Юлька воинственно вздёрнула вверх остренький подбородок. – Олег, я сейчас её догоню, и мы поговорим, по-родственному. Ни в какую тюрьму она тебя не отправит. Не посмеет или я.. Я, ей устрою! – и выбежала из квартиры, надеясь на то, что ненавистная тётка еще не успела уйти слишком далеко.

Говорков, прикурив сигарету – Алёна терпеть не могла табачного дыма и гоняла Олега за то, что он курит в комнате, потянулся за телефоном.

– Что-то случилось, малыш? – недовольный женский голос ответил только после шестого гудка. – Говори быстро, у меня мало времени.

– Алёна прознала про мои маленькие шалости. – предчувствуя нагоняй, повинулся Олег.

– Твоя перезрелая молодая жена застучала тебя верхом на девке? – хмыкнула недовольная дама, обладательница низкого, сочного голоса. – Говорков, я тебя предупреждала – не води баб в собственный дом, это, обычно, плохо заканчивается.

– Я никого не водил. – пожал плечами Олег, сбивая пепел в кружку с остатками кофе. – Это была её племянница.

– Смазливая блондиночка по имени Юля? – хмыкнула неизвестная дама. – Глупая кукла. Даже удивительно, что у Алёны такие недалёкие родственники. И, что, твоя женушка глаза ей не выцарапала?

– Если бы. – парень затушил сигарету и пожаловался. – Пригрозила разводом и приказала убираться на все четыре стороны.

– Плохо. – женщина замолчала, усваивая новости. – Мне потребуется еще немного времени – контракт должен быть подписан завтра и мне совсем не нужна Почесуха в качестве конкурентки. Ты все просрал, Олежек. – неласково произнесла женщина. – Я тебя предупреждала.

– Таньша, что мне делать? – жалобно спросил Олег, корча физиономию и передразнивая ту самую Таньшу.

– Перестань корчить рожи. – строго произнесла женщина. – Не для того я вытащила тебя из твоего Мухосранска. Делай, что хочешь – ползай на брюхе, скачи через обруч, лижи пятки, но, чтобы завтра я твою жену на тендере не видела. Контракт должен достаться моей фирме. Хоть на три замка запирай супружницу, хоть связывай – твои проблемы.

– А, если она домой не вернется? – Олег вовсе не хотел кого-то связывать. Подобные действия попадают под уголовную статью, а это тюрьма. О тюрьме блудливый муж не помышлял – он там ничего не забыл и забывать не собирался.

– Вернется-вернется. – коротко хохотнула та самая Таньша. – Ленка – ещё та собственница. Побегает по городу, как Найда и вернется. Ты уж не сплехуй, Олежка, а не то... В общем, ты меня понял. – и отключилась.

– А, не пошли бы вы обе. – зло огрызнулся Олег в молчавший телефон. – Сучки старые.

*

Консьержка Галина, явно расслышавшая далекие отзвуки семейного скандала, высунув любопытный нос из окошка, наблюдала за тем, как разгневанная Алёна Дмитриевна спускается по лестнице.

Инстинкта самосохранения, женщина, вероятно, была лишена напрочь. Иначе, сразу бы поняла, что сегодня ей с Алёной лучше не встречаться.

В этот роковой день звезды для Галины сошлись как-то неправильно – разглядев легкую ухмылку на полных губах консьержки, Почесуха схватилась за телефон.

– Алло, Милада Алексеевна, – Алёна Дмитриевна говорила громко, так, чтобы сплетница на зарплате всё хорошо услышала. – у меня есть претензии по работе обслуживающего персонала. Да-да, вы меня правильно поняли – в подъезде сплошная грязь и антисанитария, к тому же, сотрудники позволяют себе обсуждать личные дела жильцов. Тех самых жильцов, которые им платят зарплату.

В ответ забубонили что-то оправдательное и настал черед Алёны Дмитриевны злорадно ухмыляться.

– Да, вы меня правильно поняли – речь идет о Галине. Примите меры или эти меры приму я. До свидания. – Алёна Дмитриевна отключилась и взглянула на консьержку. – Вы уволены, милочка. Собирайте барахло и убирайтесь прочь вместе со своим болтливym языком. Здесь вы больше работать не будете, старая сводня!

Галина ахнула, схватилась за сердце и скрылась в подсобном помещении, откуда, сразу же, раздался какой-то грохот, Алёна Дмитриевна, сделав своё черное дело, выскочила на улицу, чувствуя, как настроение, упавшее ниже плинтуса, слегка улучшилось.

Мелочно, скажите вы? Гадко и, может быть, подло? Но, Алёна Дмитриевна считала, что только так и надо – а, вот нечего чесать языком и перемывать кости человеку, который платит тебе зарплату. Приличную, надо сказать, зарплату.

Машины на обычном месте не оказалось.

Некоторое время женщина тупо пялилась на пустое парковочное место, словно не веря собственным глазам, а потом очнулась и вспомнила о том, что лично отпустила водителя до конца рабочего дня.

И, что теперь?

В отличие от консьержки, Витюня, много лет возивший свою хозяйку, лишнего себе не позволял и болтать приучен не был, за что Алёна Дмитриевна его ценила и не раз поощряла. Появление молодого мужчины возле хозяйки, Витюня воспринял нормально, но с Олегом в посторонние разговоры не вступал, отлично понимая, кто есть, кто на фирме. Не Олег же платил водителю зарплату? Нет. Поэтому, без разрешения хозяйки Витюня никаких действий не предпринимал.

Лишать парня отдыха Алёна не захотела – не барыня, чай, как-нибудь до офиса доберется. Самостоятельно.

Тем более, что в данный, конкретный момент, женщина направлялась не на фирму, а к своему адвокату, контора которого располагалась неподалеку – рукой подать и улицу перейти.

– Максим Ааронович? – Алёна не стала тянуть кота за хвост и подумала, что нечего откладывать сегодняшние неприятности на завтра. – Вы мне срочно нужны.

Телефон бормотал голосом Максима Аароновича что-то невразумительное, но Алёна решила, что юрист её прекрасно услышал, не смотря на громкий фон оживленной улицы.

– Я сейчас подскочу. – Алёна заговорила громче, силясь перекричать компанию шумных подростков, проходящую мимо неё. – Да, мне срочно. Я решила развестись, Максим Ааронович. Да-да, вы меня совершенно правильно поняли. Нет, ждать я не намерена – развод должен состояться, как можно скорее. Лучше, завтра.

– Я не волшебник, Алёночка. – вяло пытался отбрыкиваться голос в телефоне. – Вы же меня знаете – так дела не делаются.

– Делаются-делаются. – нервно рассмеялась Алёна, подбегая к переходу через дорогу. – Еще пять минут и я у вас, Максим Ааронович. Я уверена – мы обсудим сложившуюся ситуацию и придем к определенному решению.

Алёна закончила разговор и подошла к самому краю дороги. Вытянув шею, женщина пристально вглядывалась в сигналы светофора – ей хотелось, как можно быстрее покончить с

неприятными делами, вернуться домой и уединиться в своей собственной квартире, спрятавшись от всего мира. Раз уж не сложилось с клубникой и шампанским, то в ход будет пущен коньяк и лимон.

*

Разгневанная и растревоженная словами Олега, Юлька летела вниз по лестнице, торопясь догнать ненавистную тётку, спустившуюся вниз несколькими минутами раньше.

Внизу громко хлопая дверями, туда-сюда сновала консьержка, тетка Галка, с которой Юлька любила потрепаться «за жизнь». Неизвестно по какой причине, но консьержка терпеть не могла Алёну Дмитриевну Почесуху. Та, вроде как, и плохого ничего Галине не сделала, а вот не нравилась хозяйка строительной фирму работнице, и все тут.

«Все вы, буржуи, одним маслом мазаны. – пыхтела Галина, провожая завистливым взглядом худощавую фигуру Алёны Дмитриевны. – Кровососы и ворье, севшие на шею трудовому народу, а эта, еще и бессовестная. Надо же – за пацана замуж выскочила и ходит мимо, как ни в чем не бывало. Про таких верно говорят – им хоть ссы в глаза, всё Божья роса.»

Галина пыхтела, поедаемая самой обычной завистью – у нее-то не было фирмы, приносящей стабильный доход, и шикарной машины не было, и квартирki в элитном доме. Имелся у Галины муж – тихий алкоголик и непутевый сынок, загремевший в колонию по малолетке. Хорошо, хоть на приличную работу устроиться повезло – кума похлопотала. А, теперь, что? Уволят её теперь, а всё из-за буржуйки противной, которая себе мужа молодого купила, купила, словно кусок телятины на рынке.

Юлька внимания на раскрасневшееся лицо консьержки не обратила, спешила очень, а вот та, девушку заметила и злорадно ухмыльнулась.

– Скачи-скачи, коза! Думаешь красавчик синеглазый женится на тебе? Как бы не так – эта выгонит, так он себе другую старуху найдет, такую же богатую, как Ленка. А, ты, свиристелка, у разбитого корыта останешься, да ещё и с пузом. И тётка тебя погонит взащей, чтобы с чужим мужиком не таскалась. От таких распутниц – все беды. Молоко на губах материнское обсохнуть не успело, а они туда же, куда и люди. Шалава!

Юлька выскочила на улицу и начала активно крутить шеей, высматривая родную тетку. Ну, не могла, не могла тетка Ленка далеко ускакать, она же не сайгак, а женщина почтенного возраста, почти старуха. Мать, вон, даром, что на семь лет моложе своей старшей сестры, а ходит медленно, тяжело отдуваясь, особенно по лестнице. То у нее в коленях стреляет, то в пояснице, то пятки болят, то копчик. В таком возрасте, как у тетя Лены не о молодых мужиках думать надо, а о вечном размышлять и свечки в церкви ставить за здоровье.

Груды молодухи подпрыгивали, точно спелые дыньки, привлекая внимание всех встречных мужиков, но Юльке и дела не было до посторонних взглядов. Её любимый мужчина дома остался, на диване сидит, но она никому не позволит вмешаться в их отношения. Олег принадлежит Юльке и тетке Ленке придется с этим смириться.

Юлька злорадно ухмыльнулась – Почесуха! Ну и фамилия досталась тетечке, в самый раз. Юлькина мать-то, от своего мужа приличную фамилию заполучила – Милочкина, а не какая-то там Почесуха. Почесуха, вот, тоже, могла бы Милочкиной стать, да не срослось. – У неё, у Юльки, после замужества, тоже фамилия будет красивая – Говоркова. – девушка злобно хохотнула – видать судьба такая у тетки Ленки, страдать от своих ближних. Вначале, жениха сестричка младшая увела, затем, племянница родная подсуежилась и мужа, молодого, красивого, умыкнула. Тетка фамилию Олега брать отказалась и правильно сделала, словно знала, что совместная жизнь с молодым мужем очень скоро накроется медным тазом.

– Ага! – обрадовалась девушка, углядев теткин светлый костюм в толпе народа. – сейчас и поговорим. Поговорим тетечка и этот разговор ты на всю жизнь запомнишь. Я тебе не моя мама, я себя унижать никому не позволю.

Юлька припустила со всех ног, опасаясь, что Алёна Дмитриевна сумеет добраться до своего адвоката, раньше, чем переговорит с племянницей.

Спина тетки оказалась перед глазами внезапно – вот он, шанс! Шанс всё изменить, шанс на лучшую, сытую и обеспеченную жизнь с любимым, самым красивым на свете мужчиной. Шанс, который выпадает один раз в жизни. Она, Юлька, его ни за что не упустит.

Девушка подскочила и толкнула Алёну Дмитриевну вперед, сильно толкнула, прямо под колеса, проезжающего мимо автомобиля.

Где-то противно завизжали тормоза, разом заголосили люди, а Юлька, отпрянув в сторону и спрятавшись за ближайшим ларьком, расширившимися глазами смотрела на лежащую на асфальте изломанную фигуру Алёны Дмитриевны и невольно улыбалась.

– Так тебе и надо, гадина. – шептала девушка, не заметив бесстрастного глаза камеры видеонаблюдения, расположенной под крышей соседнего здания. Камера была установлена очень удачно, захватывая оживленный пешеходный переход. – Гори в аду, старая сука!

Глава 2

– Не делай людям добра, не получишь в ответ черной неблагодарности. – подумала несчастная Алёна Дмитриевна, попав под колеса, летевшего с приличной скоростью, автомобиля.

Вернее, не так – когда её тело совершив стремительный кульбит, очутилось под колесами и умерло, Алёна ни о чём таком не думала. Она даже испугаться не успела, не то, что о чем-то там подумать. И, воспарив над всколыхнувшейся толпой бесплотным духом, она еще ни о чем таком не задумалась, не приняв произошедшего и не ощутив себя мертвой.

Подумала она, заметив, как на полусогнутых, поминутно оглядываясь и вздрагивая от громких звуков, с места трагического происшествия убегает её родная племянница, Юлька.

– Ах, ты, коза шелудивая! – всплеснув полупрозрачными руками, возмутилась Алёна Дмитриевна, в этот самый момент припомнив тот самый толчок в спину, отправивший её на встречу с колесами автомобиля. – Неблагодарная дрянь! Ты убила меня, маленькая дурочка.

И после этих слов Алёна Дмитриевна увидела... Нет, не свет в конце тоннеля, как это любят описывать различные фантасты в своих романах, а некое завихрение, возмущившее спокойный воздух. Завихрение, напоминающее по виду этакий торнадо – явление в этих широтах странное и необычное, захватив всё прилегающее пространство, затащило в, алчно развернутую пасть воронки, бесплотную фигуру, орущей от страха, Алёны Дмитриевны и, жадно чавкнув, схлопнулось, втянувшись неизвестно куда.

Алёна Дмитриевна, ощутив смертельную опасность, грозящую её, уже и без того пострадавшей, душе, продолжая орать и размахивать руками, пропала, растворившись в небытие.

На краткий миг перед глазами, истошно орущей Алёны Дмитриевны Почесухи, мелькнул полуразмытый лик незнакомой, страшной старухи, а затем, исчез, словно его никогда и не было.

И лишь старый ворон, черный, неряшливый и жирный, суматошно захлопав крыльями, проводил необычное явление долгим взглядом, остекленевших от ужаса, глаз и с громким лязгом захлопнул, разинутый в удивлении, клюв.

*

– И-и-и! – верещала несчастна Почесуха, ощутив, как чья-то крепкая рука, решительно ухватив её за волосы, тащит куда-то жертву страшного дорожного происшествия, поступая с той самой жертвой совершенно безжалостно и не обращая внимания на слабое трепыхание щуплой тушки уволакиваемого объекта.

Было больно! Очень больно! Кто не верит, пусть сам попробует, каково это, чувствовать, как с головы, заживо сдирают кожу вместе с волосами.

– У-у-у! – завывала Алёна Дмитриевна, колошматя по воде руками, отплеываясь и захлебываясь одновременно. – Больно, блин... Отпустите!

Её продолжали тащить, немилосердно дергая за косу и вытягивая вверх из толщи мокрой и холодной воды.

– Омут, мутный омут, что напротив мыска. – неожиданная мысль слегка отрезвила, продолжавшую вопить и трепыхаться, Алёну Дмитриевну. – Самое гиблое место на нашей Корче. Ой, мамочка!

– Да не дергайся ты, припадочная, – бурчал кто-то над ухом приятным, низким голосом. – совсем уморила! Мавкой стать захотела, дурочка или в русалки метишь? Так нет, не будет тебе такого несчастья. Ох, ты, горюшко, кому сказала, не дрыгайся!

– Вода? – запаниковала Алёна Дмитриевна, в голове которой всё перемешалось и перепуталось, точно в овощном рагу. – Мокрая и холодная. Но, почему, вода? Я, что, утонула? Где? В бассейне? Почему утонула? Меня же, вроде как, машиной переехало? Я, совершенно точно

помню, как Юлька, поганка неблагодарная, толчком в спину, отправила под колеса, летящего на скорости автомобиля, мою брентную тушку.

Воды было полно – она плескалась и сковывала движения, а, ошавшая от непонятностей, Алёна Дмитриевна, вяло шевеля плавниками, то есть, пардон, руками, делала слабые попытки плыть. По-собачьи.

– Совсем ты меня уморила. – женский голос прозвучал рядом, словно гром среди ясного неба, заставив Алёну Дмитриевну пошатнуться и вновь уронить лицо в воду. Благо, оказалось, что дно уже, вот оно, обнаружилось прямо под ногами – топкое, илистое, поросшее какими-то колючими водяными растениями, но такое желанное и почти родное. Безопасное. Алёна Дмитриевна, на полном серьёзе, изъявила готовность плюхнуться на колени и целовать раскисшую грязь под ногами.

– Вставай уже, горюшко луковое. – неизвестная женщина продолжала отдавать команды четким, приятным голосом. – Выползай на бережок, Алёнушка. Поверь, русалка из тебя получится скверная.

– Какую-то Алёнушку требуют на берег. – мысли вяло копошились в голове Алёны Дмитриевны, но руки женщины уверенно вцепившись в ивовые ветви, тянули тело на твердь земную, подальше от воды. – Я, тоже, как мне кажется, накупалась. Пора бы и вылезти. Нет, ну что за дичь мне приснилась – измена Олега, Юлька, машина та, дурацкая и глубокая река, с холодной водой. Я, что, перепила и у меня глюки пошли косяками? – сама себя спрашивала женщина, выволакивая собственное брентное тельце на топкий бережок. – Нет, не может быть. Я – нормальная, стрессоустойчивая дама. Меня поленом не перешибешь, а уж снов пугаться? Глупости и дурости. Не про меня.

Дрожа от холода и стуча зубами – на дне реки, по всей видимости, били холодные ключи, Алёна Дмитриевна, едва оказавшись на берегу, сразу же подставила, насквозь промокшую тушку, ласковым солнечным лучам.

Она вся устала, точно на ней пахали огород, используя вместо мотоблока. Каждая жилка в теле тряслась и стонала. Очень хотелось спать, прямо здесь, на холодной земле, разве что, заползя под куст для удобства.

– Чего разлегалась? – женский голос зудел над ухом, точно надоедливый комариный писк. – А, где твое: «Спасибо, Полюшка за то, что не дала сгинуть, утопнув в реке, душе безвинной?» Неблагодарная ты девица, Алёнка, как я погляжу.

– Опять какую-то Алёнку ругают. – равнодушно подумала Алёна Дмитриевна. – Странный сон, весь какой-то излишне реалистичный. Даже не верится, что в моём рациональном разуме зародились подобные фантазии, словно сойдя со страниц дешевой книжонки. Может, я, и в самом деле, кукушкой поехала, прямо в кабинете Максима Аароновича?

Вспомнив про ушлого адвоката, в офис которого она направлялась в тот самый момент, когда неблагодарная змея, впущенная в дом из милости, толкнула её прямо под колеса автомобиля, Алёна Дмитриевна глухо застонала, дёрнулась всем организмом и задрала голову вверх.

И, отшатнувшись, шустро подпрыгнув прямо на четвереньках, путаясь ногами в подоле длинного сарафана и перебирая конечностями с похвальным старанием.

Прочь!

Прочь от этой странной, пугающе чуждой девицы.

Отпрыгнула прямо в колючий куст, в колючки которого и влетела своим задним местом, всей филейной частью.

– О-у-й! – завопила несчастная, не отводя перепуганного взгляда от странной особы, по пояс сидевшей в реке. – Прочь, пошла прочь, кому говорю! Кыш! Кыш!

– Смотрю я на тебя, Алёнка и удивляюсь прямо. – подперев бледное личико тонкой ладошкой, обладательница приятного голоса укоризненно покачала головой. – Ты, чи, совсем страх

потеряла после того, как на дно ухнула, словно топор? Не боишься того, что я передумаю и тебя в реку обратно спихну, прямо в тот омут, хозяину речному на потеху?

– Боюсь. – честно призналась, поехавшая кукушкой Алёна Дмитриевна. На месте упомянутого речного хозяина, несчастной, ничего не соображающей женщине, почему-то представился не обычного вида мужик, бритый и в костюме, а, агромленного размера, рыба-сом, хищный и без костюма, весь поросший тиной и речными ракушками, но ужасно проглотистый и усатый.

– Чего ж, тогда, на рожон лезешь? – участливо поинтересовалась странная девица, по-прежнему торчавшая в холодной воде и не спешившая на бережок. – Спужалась, да?

Девица, беседующая с Алёной Дмитриевной и успешно проведшая акцию по спасению утопающей, одна штука, выглядела странненько.

Красивое лицо купальщицы отдавало легкой синевой, светлые, длинные волосы девицы колыхались на волнах, точно речные водоросли, темные глаза горели каким-то странным огнем. Вся она казалась слегка худощавой, недокормленной, но, в тоже время, приятно грудастой. Нижнюю часть тела длинноволосой пловчихи скрывала толща воды, но имелись у Алёны Дмитриевны подозрения в том, что и под водой всё обстояло не так ладно.

К тому же, девица плавала «топлес», ничуть не смущаясь собственной бесстыжей наготы и даже ни разу не зардевшись под пристальным взглядом недавней, почти утопленницы.

– Может на ней и трусов нет? – озадачилась мыслью Алёна Дмитриевна, незаметно кося глазами в сторону противоположного берега. – Может быть, девица приплыла со стороны нудистского пляжа и к нам, прямо сейчас, подгребёт группа поддержки – голенькие тетечки, счастливые обладательницы пухлых ляжек и отвислых животов и развязные дядечки, трясущие своими бубенцами? Б-р-р! – содрогнулась она. – Плавать голышом в холодной воде? То еще удовольствие – так и бубенцы отморозить можно.

– Замерзла, Алёнка? – участливым тоном поинтересовалась девушка из воды. – Так, стягивай сарафан и обсыхай. Меня не опасайся – от меня тебе вреда никакого не будет. Слово в том даю верное.

Алёна Дмитриевна вытаращила глаза – снимай сарафан? Какой, сарафан? Она, отродясь, в сарафанах не хаживала – руки у нее не особо красивые, чтобы публично обнажаться.

Но, как оказалось, сарафан имелся – длинный, мокрый, хлюпающий и ужасно противный.

– Мерзкая хламида едва не утянула меня на дно. – раздраженно подумала Алёна Дмитриевна, позабыв о приличиях и торопливо стягивая с себя странную одежонку. – В этой тряпке я похожа на тряпичную бабу, посаженную на чайник – такая же нелепая и страшная. Ф-р-р!

От сарафана женщина, в итоге, избавилась, но теплее ей от этого простого действия не стало – мокрая коса хлестала по голой спине, мерз зад и перед, потому что белье отсутствовало от слова совсем.

– Бросай сарафан на орешник. – командовала из воды длинноволосая девушка. – Сейчас солнышко проглянет, и ты согреешься. Да, не трясись – высохнет твой сарафан. Быстро высохнет, никто и не заметит, что ты разгуливаешь по берегу в непотребном виде. Не пужайся. И башмаки с ног стащи – нечего хорошую вещь портить. Просохнут, сама мне потом спасибо скажешь.

– Я и не боюсь. – Алёна Дмитриевна смирилась с тем, что с ней явно что-то не так – то ли ранняя деменция подкралась незаметно, то ли, ум за разум зашел и обратно выйти не может. – Подумаешь, не в том я возрасте, чтобы чего-то стесняться.

– И то, верно. – согласилась из воды девушка, незнакомая и от того очень подозрительная. – Перестарок ты уже, Алёнка. Подружки твои, чай, замужем давно, по ребятенку, а, то и двух, в люльке качают, одна ты в девках засиделась. Семнадцать весен, уж, когда минуло, а женихи всё мимо проходят, ни один сватов не заслал.

– Сорок два. – с достоинством поправила Алёна Дмитриевна, после происшествия с Олегом, решившая, что хватит ей уже вымолаживаться. Один раз попробовала, дурочка, так и всё на том. Обидно это – ощущать себя преданной и вывалянной в грязи.

И, всё-таки, что-то странное было в облике этой светловолосой девицы – синеватая кожа, вызывающе торчащие груди с набухшими сосками, сочные, алые губы, глаза – необычные, пугающе-мрачные, подернутые то ли дымкой, то ли, поволокой. И на берег девица выходить не спешила, а, водичка-то, температурой, совсем не такая, как в сезон отпусков, на крымском побережье.

– Чего тарашисься? – неожиданно грубо поинтересовалась незнакомка и раздраженно хлопнула по воде ладонью. – Спасибо скажи, что на берег тебя выволокла, дуру неблагодарную. Кабы не я, то сейчас стояла бы ты на две реки, да батюшке-водяному в пояс кланялась!

– Кому кланялась? – Алёна Дмитриевна решила, что у нее, совершенно точно, что-то с ушами, иначе, с чего бы это, ей всяческая дичь слышится?

– Оглохла, что ли? – девица, по-птичьи, склонила голову на бок. – Водяному, кому же еще? Такие, как мы, все, как есть, хозяину речному служат, аль, забыла, чи?

– Такие, как ты? – переспросила Алёна, чувствуя себя очень странно.

«Кажется, – вздохнула Алёна Дмитриевна. – визит к отоларингологу, неизбежен, равно, как и к терапевту, психиатру и, может быть, к кому ещё. Все же, это очень бесполезно, бултыхаться в холодной воде. Я – обычная женщина, а не моржиха, с десятисантиметровым запасом подкожного жира.»

– Такие, как я. – подтвердила девушка из воды, не делая ни малейшей попытки выйти на берег и погреться. На её синеватой коже застыли крупные капли воды, длинные, светлые волосы, по-прежнему плавали на поверхности. – Русалки.

Пока Алёна тупо переваривала услышанное, девица, странно изогнувшись, нырнула под воду, взметнув в воздух длинный, красиво переливающийся перламутровыми чешуйками в солнечных лучах, рыбий хвост и звонко ударила им по воде, окатив, впавшую в ступор, женщину холодными брызгами.

Брыкс! Не выдержав новой порции непонятностей, Алёна отшатнулась в сторону, подальше от рыбохвостой девки, да, оскользнувшись в жидкой грязи, запутавшись босыми ногами в длинной траве, бахнулась наземь, больно приложившись копчиком и, вдобавок ко всем прочим неприятностям, обратно сверзившись в холодную воду.

– Плюх! – соприкоснувшись с прохладной водичкой, почти высохшая и согревшаяся на берегу, Алёна, промокнув по новой, принялась испуганно колотить по воде руками, отгоняя чешуйчатый страх, удачно прикидывавшийся обычной любительницей заплывов на дальнюю дистанцию.

– Русалки – коварны, злопамятны и мстительны. – вспомнила Алёна Дмитриевна рассказы своей старенькой бабушки со стороны матери. – Нет большей радости для нежити хвостатой, чем погубить душу невинную, утопив безжалостно в глубоком омуте и отправив на суд батюшки-водяного хозяина.

Отползая прочь от жуткой нежити, несчастная жертва незапланированных водных процедур, постоянно держала рыбохвостую в поле своего зрения. Умом она, конечно же, понимала, что, происходящее с ней здесь и сейчас, дичь полнейшая, бред, рожденный воспаленным воображением, галлюцинация на почве нервного стресса или, ещё какой-либо, лабуды, но, вдруг? Вдруг, происходящее, реально?

– Второй раз спасти не стану. – серьезно предупредила та самая обладательница рыбьего хвоста. – И моему терпению есть предел, Алёнка. Утоплю, как есть, утоплю, водяному хозяину на поживу, а себе какую-другую дурочку выловлю.

– Не надо меня топить. – торопливо выбравшись на берег – прямо, дежавю какое-то, Алёна Дмитриевна принялась обтираться слегка просохшим сарафаном. – Я всё осознала и очень благодарна за то, что вы меня выловили и на берег вытащили.

Кстати, в этот раз она приняла во внимание совет незнакомки и башмаки с ног стащила, аккуратно поставив подальше от воды.

Обувка, на первый взгляд, выглядела прочной, пусть и странного фасона, но, не босиком же бродить, на самом деле?

Девушка, спрятав хвост под воду – нет, ну как раздражает то, чего не понимаешь и во что не веришь, и с ожиданием уставилась на Алёну Дмитриевну, зубы которой принялись лязгать и всячески демонстрировать недовольство происходящим.

– Хорош стучать зубами, не поможет. – холодно и, как-то лениво, произнесла русалка. Да-да, русалка, потому, как хвост, будь он неладен, снова высунулся из воды и шлепнул по её поверхности, разгоняя волну.

– Имплант, да? – пытаюсь выхватить рациональное зерно в череде странностей и несуразностей, Алёна искренне надеялась отыскать всему происходящему разумное объяснение. – Нет, я, конечно же, слышала, что женщин в мужиков переделывать умеют и мужиков в баб, но, вот, что теперь еще и хвосты рыбы людям отращивать научились, так, о том, даже в «Русских сенсациях» не рассказывали. Одного не пойму, – обмотавшись сарафаном, прикрыв срам и попытавшись успокоиться, что, учитывая сложившуюся ситуацию, было не так просто, спросила Алёна. – вот, на фига? Это же теперь всю жизнь, вот так, с хвостом?

– Ну, да. – так называемая русалка нервно передернула плечами. – Обычное же дело – хвост, он, всегда, вырастает. Как же, русалке и без хвоста?

– А, на работу, как ходить? – прищурила глаза Алёна Дмитриевна. Кукушка-кукушкой, пусть и поехавшая, но ощущение, что её где-то пытаются надуть, женщину не покидало. – С хвостом?

– Вся моя работа – людей топить. – нахмурила брови странная девушка, незаметно приблизившись к Алёне Дмитриевне, стоявшей у самой воды. – а, коли кто, любопытный дюже, того могу прямо сейчас притопить, дабы неповадно было вопросы глупые задавать! – и ощерилась, выставив на всеобщее обозрение длинные, узкие зубы, невесть каким образом помещающиеся во рту. Прямо, как у пирании какой!

Зубы внушали и пугали, куда больше, чем рыбий хвост.

Алёна Дмитриевна, на всякий случай, от воды отошла подальше и уселась задницей на мягкую кочку. Кочка приглушенно квакнула, Алёна взвилась в воздух, а огромная, пупырчатая жаба, широко разевая рот и раздувшись от злости, тяжело поскакала прочь, смешно подпрыгивая и плюхая светлым брюхом по мокрой траве.

Второй раз на кочку Алёна Дмитриевна присаживалась осмотрительно – вдруг там целый выводок отвратительных земноводных притаился? Не раздавить бы, невзначай – неприятное это дело, кишки чужие с собственного зада смывать, да ещё холодной водой.

– Агату зачем обидела? – русалка улыбалась, продолжая демонстрировать недоутопленнице свои длинные, пугающе острые, зубы. – Агата, – пояснила хвостатая девушка. – старейшая в наших краях жаба. Гляди, как бы задница бородавками не покрылась. Ты, Алёнка и без того невестой незавидной считалась, а уж с бородавками, так, во век себе жениха не отыщешь.

– Больно надобно. – буркнула Алёна Дмитриевна, осознав, что, эта вот, хвостатая дамочка, её, случайно, с кем-то перепутала. И, хорошо, что обознавшись, спасать бросилась. Вот, хоть убей, но казалось Алёне Дмитриевне, что самостоятельно ей из этой речки, ни в жизнь не выплыть.

– Никого обижать не хотела. – пожалала плечами женщина, смиряясь с тем, что с кукушкой, и впрямь, проблемы наметились и, развернувшись корпусом в сторону орешника, язвительно произнесла. – Извините.

Удивительно, но её услышали – тяжело шлепая, из-под куста выползла толстая жаба и, удовлетворенно квакнув, поспешила по своим жабым делам, ловко переваливаясь среди, поросших травой, кочек.

– А? О? – только и смогла, что выдавить из себя Алёна Дмитриевна, невежливо тыкая пальцем в жабу. – Она меня, что, понимает?

– Знаешь, в отличие от некоторых, – хмыкнула русалка, шлепая хвостом. – Агата, жаба воспитанная и вежеству обученная. Живет долго, потому что. Не бойся – простила она тебя. Понимает, что не со зла ты на нее задом плюхнулось. Не будет у тебя на попе бородавок.

– Бородавки – это инфекционное. – презрительно фыркнула Алёна Дмитриевна. – И жабы к ним никакого отношения не имеют.

Где-то вдалеке насмешливо квакнули, и Алёна поежилась, пытаясь растянуть сарафан и прикрыть всю поверхность собственного тела.

– Какая-то ты неправильная девица. – внезапно насторожилась русалка и уставилась в лицо Алёны Дмитриевны колючим, полным подозрения, взглядом. – Чувствую чужое в тебе. Лик тот же, а все остальное, другое!

Алёна Дмитриевна Почесуха нахмурилась – что ж, по всей видимости, в этой странной местности, из реки, исходят какие-то ядовитые миазмы. Газ галлюциногенный. Вот она и надышалась, газом этим, потому и мерещится всякое. Глазам. И, слышится, разное. Ушам.

– Да ты, не Алёнка! – ахнула русалка и от неожиданного открытия, потеряв равновесие, с головой погрузилась в воду.

– Эй, девушка, вы куда? – переполошилась Алёна Дмитриевна, вскакивая с нагретой кочки и бросившись к воде. – Вернитесь! Нам необходимо срочно попасть в поликлинику, антидот вколоть, а то, мало ли какие последствия могут случиться.

Стало страшно – одна, голая, если не считать подозрительного и мокрого сарафана, на незнакомом берегу неизвестной речки, в компании слуховых и прочих галлюцинаций. Алёна Дмитриевна, не смотря на весь свой опыт, ещё ни разу не попадала в подобную ситуацию.

– Не попадала. – убедившись в том, что хвостатый мутант не спешит выныривать обратно, Алёна устало плюхнулась обратно на обжитую кочку. – Но, попала.. Попала?

Ужасная догадка молнией прожгла мозги несчастной женщине, и без того подкошенной подлой изменой близких людей.

А, вдруг?

Бред, конечно собачий, но?

Но, вдруг?

– Попала.. – потерянно прошептала бизнес-вумен и очень сильно побледнела от страшной догадки.

Как и многие, она, конечно же, читала фантастические романы, преимущественно, написанные женщинами и о женщинах. О всяких-разных дамочках, имевших счастье/несчастье попасть в другие миры, в своем/чужом теле и нашедших там любовь/смерть – это уж, насколько хватало авторской фантазии.

– Не может быть. – растерянно пробормотала Алёна Дмитриевна, вновь подсакивая с кочки. – Только не я..

Но, уже через несколько минут, несчастная женщина, кусая собственные губы, колотила себя руками по голым ляжкам, не в силах смириться с дурацкой ситуацией, в которой она оказалась, благодаря чьему то злему умыслу.

Она попала. Конкретно, потому что, местность, по которой протекала неширокая и, в общем-то, сонная речушка, названная русалкой Корчей, никак не могла находиться в окрестностях города Каменска, в котором, до некоторых пор, жила и работала Алёна Дмитриевна Почесуха.

Речка была чистой, то есть – абсолютно чистой, вода – прозрачной, рыбы, плещущиеся в воде – настоящими. К тому же, поблизости, в поле зрения растерянной Алёны Дмитриевны, не наблюдалось ни одной пластиковой бутылки или, целлофанового пакета, или, обертки от жвачки, конфетки или, какого иного мусора.

А, так, не бывает. Так, просто – не бывает. Мусор – вездесущ. Он неистребим, как тараканы и вскоре захватит власть над всей планетой, не считаясь с желанием человека. И погубит эту самую планету. Не понадобится никакой внешней агрессии, никаких инопланетных чужих – человечество просто задохнется, сгинув под миллиардами тонн самого обычного хлама.

В данной местности, мусора не было вообще – трава зеленела, блестела на солнце вода, квакали лягушки и стрекотали кузнечики.

И, следов от самолетов в небе не наблюдалось от слова совсем. Светило солнце, плыли облака, игривый ветерок трепал волосы на голове, а самолеты не летали, хотя, в последнее тревожное время, гул над городом стоял постоянный, нарушая покой обывателей.

– Так не бывает. – вздохнула Алёна Дмитриевна, убедившись в том, что с экологией всё в порядке. – Я же, точно помню.. Помню!

Женщина вновь подскочила, покинув многострадальную кочку и принялась внимательно разглядывать собственное, неприлично обнаженное тело.

Стало еще хуже – тело, совершенно точно, не её.

Алёне Дмитриевне, к её великой досаде, давно исполнилось сорок два года. Не девочка и даже не молодая женщина. Так, дамочка средних лет, худощавая, местами морщинистая, обогащенная целлюлитом, вставными зубами и красящая волосы в темный цвет, дабы скрыть седину.

Теперь же она резко изменилась. Помолодела, блин, точно яблоч молодых натрескалась или попала к чудо-хирургу, вернувшему ей цветущий вид. Выпуклости, опять же, появились, и спереди и сзади, как по мановению волшебной палочки. Очень даже симпатичные передние выпуклости, задорные и упругие, нагло выпирающие.

Ну, в общем, случись это раньше, Алёна Дмитриевна чувствовала бы себя на седьмом небе от счастья, а так, даже с учетом тех самых, приятных бонусов, пока что, ощущала себя словно на минус каком-то этаже здания, находящегося в самом эпицентре землетрясения – того и гляди, привалит. И, совершенно точно, что не счастьем.

И, неясно... Что же дальше?

– Куда уплыла, хвостатая? – Алёна бегала по берегу, жадно всматриваясь в водную гладь. – Гребь обратно, кому сказала! Обстоятельства требуют внятных объяснений, а то кукушка, совсем того, кукукнулась!

Было очень страшно – вот так торчать на берегу, одной, в голом виде и без документов. А, вдруг маньяк какой фентезийный объявится внезапно или, стражи порядка, с этими самыми...

Алёна Дмитриевна напряглась, пытаясь вспомнить разновидности различных орудий убийств. Была она как-то на одной выставке, где демонстрировались всяческие приспособления, преимущественно, глубоко древние и слегка пожеванные временем. Очень впечатляли – такой фиговиной, если по голове жакнуть, обычным сотрясением не отделаешься.

– Алебарда! – осенило Алёну Дмитриевну. – Точно – с алебардами те мужики бегали или с... бердышами? – снова слегка подвисла бедная женщина. – А, может еще с какой железкой, их там, помнится, богато было.

– Бердышами охрана царя-батюшки вооружена. – слегка дребезжащий голос за спиной заставил Алёну Дмитриевну взвиться в воздух. Судорожно хватая сарафан, она резко развернулась и вновь едва не плюхнулась в воду.

Прежняя русалка раздвоилась, но раздвоилась как-то странно – с одной стороны плескалась та самая хвостатая, спасающая Алёну от утопления и назвавшаяся Полюшкой, с другой

– почти такая же, только лет на сорок старше. Русалка, так сказать, пенсионер, заслуженная работница водных просторов и мастер по увлечению на дно несчастных утопленников.

– Здравсьте. – Алёна Дмитриевна, слегка прикрыв обретённые выпуклости просохшим сарафаном, уставилась на парочку хвостатых дам с ожиданием. – Надеюсь, вы мне все объясните, женщины, потому что, сама я в происходящем бардаке разобраться не могу.

– Чего тут разбираться-то? – удивилась престарелая русалка. – Все ясно же.

– Кому как. – возразила Алёна Дмитриевна. – Мне, вот, не очень. Позвольте представиться – меня зовут..

– Цыц! – неожиданно грубо и резко прервала церемонию знакомства та самая русалка-пенсионерка. – Молчи, глупая! И откуда ты на нашу голову свалилась такая? – она укоризненно взглянула на свою, более молодую товарку. – Вот скажи, Польшка – зачем ты её, бестолковку горемычную, спасала-то? Небось, помощи какой возжелала в уплату за услугу?

Польшка скромно потупилась, но, Алёна Дмитриевна была готова поставить в заклад свои новенькие, приятные выпуклости на то, что, да, возжелала!

– Ладно, то ваши дела, потом сами разберётесь. – махнула рукой старшая. – Меня Матрёной зовут, я уж лет триста, как в этой речушке проживаю. Сторожил, можно сказать.

– Сколько? – ахнула Алёна Дмитриевна. – Люди столько не живут.

– Так то, люди. – хмыкнула русалка пренебрежительно. – Да и, как сказать – не живут. С этим утверждением и поспорить можно.

Алёна Дмитриевна растерянно молчала.

– А, ты, стало быть, теперича, Алёнка наша. – задумчиво произнесла Матрена. – Н-да, девица, не повезло тебе. Угораздило ж тебе, душа чужая, в Аленку из Рябиновки попасть. Эх, и без того жизнь у девки несладкая была, а уж теперь...

– С этого места, можно поподробней – в какую-такую Алёнку? – аккуратно поинтересовалась Алёна Дмитриевна, замирая от дурных предчувствий. Ей самой, из всех Алёнок, знакома была только та, которая шоколадка. Вот догадывалась она о том, что что-то здесь не так – слишком уж гладко для реальной жизни. Под машину попала и, вместо того, чтобы очучиться, очутилась в другом мире, в теле молоденькой девицы с весьма неплохой, можно сказать модельной фигуркой. Не утонула, опять же, в плюс, с русалками знакомство свела полезное. Где же ложка дёгтя? Когда ей, Алёне Дмитриевне, счет выставят?

– Да, в нашу Алёнку из Рябиновки. – вздохнула Полюшка. – Хорошая девушка она была, Алёнка, только в деревне не любили её, ведьмой считали.

– Ведьмой? – озадаченно приоткрыла рот несчастная попаданка по имени Алёна. Ничего такого ведьминского она в себе не ощущала.

– Погодь, Польшка, – сердито рыкнула Матрена на свою молодую товарку. – Вишь, не в себе девка. Неизвестно еще, откуда её баба Яга выдернула. А, ну, как, не выдержит и топиться пойдет с таких-то новостей? Тогда, спасай-не спасай, а, конец, всё равно, один.

– Топиться – не пойду. – категорически заявила Алёна Дмитриевна. – Хватит одного раза, когда я под машину попала. Больше умирать что-то не хочется. Итак, чуть разумом не тронулась, пока меня Полина из речки вытаскивала. Воды нахлебалась и чуть не поседела от страха.

Старшая русалка недоверчиво покосилась на Алёну, но промолчала – больно решительный вид девушки, которая раньше, всё больше помалкивала и от деревенского люда стороной ходила. Оно и понятно – любой не понравится, когда вслед, сквозь зубы, шипят: «Ведьма».

– Баба Яга? – внезапно очнулась Алёна. – Вы это серьезно сказали? Сказочный персонаж – баба Яга, Костяная нога?

– Может и Костяная. – хмыкнула старшая русалка. – Я, как-то не присматривалась. Да и видела её, всего-то, один раз, когда она над Корчей в своей ступе пролетала. Ноги нам она не показывала, а так, как и положено – старуха лютая, седая и страшная.

Алёна Дмитриевна Почесуха напрягла память, пошевелила извилинами, припомнила странный вихрь, почти торнадо и ту самую, безобразную, старушечью физиономию, растворяющуюся в воздухе.

Думала, глюки такие, а оказалось..

Оказалось, все гораздо печальнее.

Алёна отлично соображала и поняла, что это «жу-жу-жу», неспроста. Никто не станет просто так подарки раздаривать незнакомым иномирянкам, сорока двух лет от роду.

– Так это взаправду всё? – развела руками женщина в теле девицы. – Не шутка? Не розыгрыш и не предсмертный бред?

– Какие уж тут шутки, коли в деле баба Яга замешана? – удивились русалки и уставились на Алёну одинаковыми глазами, в которых плескалось здоровое опасение и даже, страх. – С бабой Ягой плохи шутки. Она, хоть в последнее время и не особо по округе шастает, но может и гусей-лебедей послать, а от них мало где скрыться получится.

– Так я, что – в сказку попала? – удивилась Алёна, присев обратно на кочку. – Баба Яга, гуси-лебеди.. Сейчас вы скажите, что и братец Иванушка где-то поблизости бродит.

– Нигде он не бродит. – сурово поджала губы старшая русалка. – Некогда ему бродить, Ивану-то. В Берестене он. В стольном граде, под началом боярина Вырвень-Дуба службу служит, в детях дружинных, государевых, обретается.

– Офигеть! – удивилась Алёна Дмитриевна, ерзая попой по многострадальной кочке. Более приличных слов для описания ситуации она отыскать не сумела. – Дичь какая-то. Не верится мне как-то.

– Может быть тебя еще раз в речке искупать? – предложила молодая русалка. – Чтоб поверилось лучше?

– Не надо. – отказалась Алёна Дмитриевна и отошла ближе к орешнику. – Хватит с меня на сегодня купаний. И без того голова болит, простыла, скорей всего.

Младшая русалка прыснула, а старшая брови нахмурила.

– Голова у тебя не от того болит. – заявила русалка Полина. – Не простыла ты, Алёнка. А болит потому, что сын мельника Антипка, в тебя огромным камнем кинул, едва голову не пробив. Ты от удара того сомлела и под воду ушла. Совсем бы потонула, кабы я не подоспела.

– Камнем? – в голове у Алёны Дмитриевны началось твориться что-то невероятное – мелькали какие-то неясные обрывки воспоминаний, чьи-то незнакомые лица, крики.

– Антипка, говоришь? – призадумалась Алёна Дмитриевна и вздрогнула, куда-то провалившись.

*

– Ну вот, Лизавета, свет Матвеевна, – погоня мохноногую лошадку, тянущую воз с добром, обратился к своей супруге справный мужик, в стеганом кафтане, широких штанах и шапке, отороченной лисьим мехом. – почти добрались мы до Рябиновки. Славно съездили в город – расторговались, с сынком повидались, Алёнке, вон, нашей, обновок накупили.

– На кой ляд ей обновки, коли она цельными днями дома сидит? – сердито засопела Лизавета Матвеевна. – Со двора на улицу метлой не выгонишь. Пошла бы, с девчатами, да с парнями по деревне прогулялась, глядишь и жениха бы отыскала, а, то, люди над нами уж смеяться начали. Семнадцать лет Алёнке нашей, а все в девках прозябает. Давно уже пора косу девичью на женский манер переплести, да внучатами нас порадовать.

– Откуда они возьмутся, женихи те? – сердито зыркнула на мать своими хмуро-серыми глазами Алёнка. – Сама же знаешь, что наши, деревенские меня ведьмой считают. Никогда мне замуж не выйти, коли я в Рябиновке останусь.

– В, город тебя, что ли, свезть, – задумчиво почесал бороду Алёнкин отец, Прокопий Евстигнеевич. – к тётке Анфисе отправить? В ученицы отдать к швее? Будешь золотом по шёлку вышивать, глядишь и судьбу себе вышьешь?

– Можно подумать, в доме тётки Анфисы меня привечать станут. – фыркнула Алёнка недовольно – тётку свою, материну сестру двоюродную, девушка терпеть не могла. – Тётка моя, сплетница известная. К нам в Рябиновку приезжает и сразу отправляется по соседям шастать, новости последние подбирать. Она, как и все прочие, меня ведьмой считает. Нет, не будет мне счастья ни в Рябиновке нашей, ни в граде княжеском. Если только в Берестень меня отправите, в столичный град, к дядьке Афанасию, да и то, сомневаюсь я – дурная слава, она, как прилипнет, так хвостом и потянется.

– Ох, ты ж! – Прокопий Евстигнеевич, внезапно натянул вожжи и заставил лошадку остановиться – впереди, перекрыв проезд, на дороге лежало поваленное дерево. Здоровенное дерево, такое враз не оттащишь.

– Ишь, ты. – хозяин сдвинул шапку на затылок. – Надо же – напасть какая, ни пройти, ни объехать. И, чего, спрашивается, упало? Вроде, бури не было, и ветер-братец здорово не озоровал?

Алёнка внезапно почувствовала неладное – в груди у неё заглодело, в кистях рук закололо. С ней иногда случалось странное – словно лед внутри просыпался и ворочаться начинал. Случалось, обычно, перед чем-то нехорошим. Помнится, было так в детстве далеко, перед тем, как Ванюшку маленького, те птицы поганые, на своих крыльях унесли, потом еще, когда бабку Ташу бык буйный копытами в землю втоптал, а еще, когда в Рябиновке пожар большой случился и десяток домов выгорели, да в тот год, когда дождем, все лето, землю било, и когда язва пришла, да мор напал...

От того, может быть, Алёнку и ведьмой считали люди деревенские? Завсегда девчонка дурное чувствовала и не было от той напасти спасения.

Легко соскочив с воза, девушка, настороженная и пребывающая в сильном волнении, бросилась вперед, пытаясь рассмотреть что-то, одной ей известное.

Так и есть!

Алёнка всплеснула руками и суматошно замахала, пытаясь предупредить отца.

– Разбойники, тятенька! Сторожитесь! Беда, беда! Ствол-то, подрублен, от того дерево и свалилось.

Отец проворно потянулся за рогатиной, а Лизавета Матвеевна – за самострелом. Людьями они были неробкими, от того и в путешествие налегке никогда не отправлялись.

Но, не успели – из леса вылетела черная стрела и ударила Елизавету Матвеевну прямо в грудь с левой стороны. Не успев пикнуть, женщина упала на землю уже бездыханным телом.

Алёнка пронзительно закричала, пытаясь предупредить отца, но, вторая стрела вылетела вслед за первой, попав Прокопию в шею. Захлебываясь кровью, мужик кулем свалился с телеги, распластавшись рядом с погибшей супругой.

Из густых придорожных зарослей выскочила пара лиходеев – широкоплечих, кудлатых, вооруженных ладными самострелами.

Алёнка сдавленно ахнула – она признала деревенского мельника Прохора Онуфриева и его младшего сына Антипку.

– Антип? – Алёнка попятилась. – А, где же, старший? Где Василько?

Василько вывалился из кустов совсем рядом, в шагах десяти от перепуганной Алёнки. В глазах парня плескалась злая ярость, рот щерился в кривой ухмылке.

– Вот ты где, ведьма! – коротко хохотнул парень. – Теперь не убежишь.

Алёнка продолжала пятиться, понимая, что мельнику и его сынам не нужны живые свидетели их темных дел. Не в первый раз, наверное, они на дороге шалят и грабят прохожих, но, что б, вот так, в открытую, напасть на собственных соседей?

– Девку, девку хватай! – завопил Прохор Онуфриев, добывая дубинкой, постанывающего от боли Прокопия. – Не дайте ей уйти. Шевелитесь, парни, не ровен час, кого нечистый принесёт.

Тяжелая дубина, с размаху, опустилась на голову Алёнкиного отца, послышался влажный хруст, и девушка поняла, что всё кончено – отец и мать убиты, а она осталась одна среди лихих людей.

И, только теперь, очнувшись, Алёнка озаботилась собственной судьбой. Громко взвизгнув и высоко подпрыгнув в воздухе, она, юркой лаской, ловко выскользнув из растопыренных рук Василько, бросилась бежать, петляя среди кустов, точно всполошенный заяц.

Молодые ноги уносили девушку подальше от места трагедии, но и парни, сыновья местного богатея, не имели намерений оставлять в живых кого-то из свидетелей своих темных делишек.

Антип выстрелил и злая стрела, шершнем прогудев мимо, воткнулась в ствол ближайшей берёзки.

– Хватай-держи! – хохотал Василько, предвкушая отличное развлечение с молодой и красивой девушкой. – Лови ведьму! На костер нечистую силу!

На мгновение Алёнке показалось, что всё, ушла. До Рябиновки-то, рукой подать. Вон, уже и крыша завиднелись, и сизый дым на теми крышами вверх ползет.

– Еще немного. – девушка затравленно оглянулась назад – разбойники ломились через лес, точно молодые лоси. – Почти спасена..

Но, не тут-то было – дорогу девушке преградила речка. В этом месте, Корча, петляя, извивалась особенно прихотливо и Аленка, с размаху влетев в холодную воду, застыла неподалеку от берега. Дальше идти было боязно – Корча, речка коварная, богата на омуты, ямы глубокие, стремнину и всяких тварей, речку эту обживших.

– Выходи на берег, ведьма. – довольный Василько поигрывал тяжелой дубинкой и лыбился. Второй, Антип, отложив в сторону самострел, достал обычную пращу и подобрал подходящий голыш. – Выходи добром. Все равно помирать, так хоть развлечешься напоследок. Все слаще бабой умереть, чем девкой, никем не целованной.

Алёнка затравленно огляделась – помощи ждать неоткуда. Болтали про мельника и сынов его, помнится, разное – мол, лихими делишками семья Онуфриевых занимается, чуть ли не с нечистью дружбу водит, да разбоем промышляет на большой дороге. Отец Алёнкин, всё не верил, отмахивался от бабских сплетен – мол, брехня, быть того не может, чтобы такой крепкий хозяин, как Прохор, да татем стал ночным? Вот и до отмахивался – сам погиб и близких не уберег.

– Сюда иди, кому говорю! – приказал Василько, понимая, что бежать Алёнке некуда. Не в речке же тонуть, на самом то, деле? – Оглохла от страха, убогая?

Но, Алёнка, призвав на помощь всю свою смелость, побрела к середине реки – авось, повезет и она доберется до противоположного берега, тем и спасется. Дай час – набегут деревенские, да и помогут ей. Пусть её сама, после той, давней истории с гусями-лебедями, считают ведьмой, но маменька с тятенькой с соседями завсегда дружбу водили, да и братец её, Иванушка, в стольном граде, чай не лаптем щи хлебает.

– Уйдёт девка! – вопил недовольный мельник, трясая кулаками. – Чаго застыли истуканами, дурни? Дави её, пока не сбежала.

Василько, мечтавший о том, как бы завалить Алёнку с ближайшиe кусты, сиганул в воду с разбегу. Холодна вода в Корче, да и сама река сурова, да неприветлива. Вот и остановился парень близко от берега, дальше не сунулся, потому как была причина на то. Антипка дожидаться никого не стал – раскрутил пращу над головой, да и попал, куда целился.

Аленка, пытавшаяся брести по глубокой воде, почувствовала, как что-то тяжелое ударило её по затылку. Ноги у девушки подломились и она, как была, вся, с головой под воду ушла.

Василько и Антипка топтались на берегу, всматриваясь в речную рябь – не вынесет ли девку на берег, но сердитый рык отца прервал то бесполезное занятие.

– Хватит на воду глазеть. – рывкнул Прохор, воровато озираясь по сторонам. – Ведите лошадь в лес, да тащите добро в схрон.

– А, что с убитыми делать, тятенька? – разочарованный тем, что Алёнка предпочла утонуть, но не очутиться в его жарких объятиях, скреб макушку Василько.

– В, овраг бросьте, волкам на поживу. Будет младшим братьям нынче радость, да пиршество. – буркнул мельник, заткнув за пояс увесистую дубинку. – Пошевеливайтесь, увальни деревенские.

– Как бы Ванька ихний, дружинников боярских за собой не приволок. – остерег отца более сообразительный, чем брат, Антип. – Говорят, что богатырь Веливол благоволит к нему, привечает. Прокопий болтал – мол, челядинцем своим сделать обещал.

– Вот и доболтался. – хмыкнул мельник. – Где богатырь именитый, а где Ванька, ведьмы деревенской брат никчёмный? Пустое то, больше верь бабским языкам, они у них длинные.

И разбойничье семейство покинуло берег Корчи, не заметив, как среди волн мелькнул серебристый хвост.

А, там, ухватив девушку за волосы, русалка потащила Алёнку к берегу и где-то, на самой середине реки, в несчастную девчонку и вселилась душа некой Алёны Дмитриевны Почесухи, погибшей в своем мире и возродившейся в этом.

*

– Дела.. – протянула Алёна Дмитриевна, теперь уже, Алёнка, девица семнадцати лет от роду, весьма фигуристая с виду. – Что ж, им всё с рук так и сойдет, что ли? Убили людей, а управу на разбойников не сыскать? Здесь, что – ни полиции, ни иных силовых структур не имеется? За порядком кто следит? Кто людей от бандитов оберегать поставлен?

– Так на то дружина княжеская имеется. – пожала плечами старшая русалка. – Да богатыри, что заставой в разных местах стоят. Они покой людской хранят, от разбойников, нечисти и нежити, жителей страны нашей оберегают.

– Оно и заметно. – скривилась Алёна, нервно прохаживаясь по берегу. – Это, что ж, получается – мне теперь и податься некуда? Я ж, теперь, вроде как, сиротой считаюсь? Может быть, – Алёна Дмитриевна на мгновение прекратила беготню и замерла. – мне пособие какое от государства положено? Как пострадавшей от криминального элемента? А, мельника того, с сыновьями, надобно богатырям сдать, дабы они вздернули разбойничью семейку на ближайшей осине.

– Держи карман шире. – разочаровала попаданку русалка. – Не так всё просто. Не вы первые, не вы последние, кто от лихих людей беду поимели. Ты, коли жаловаться надумаешь, так до града живой не доберешься – убьют по дороге. Говорят, кто-то из ближников царских, делишки темные разбойничьи покрывает, потому на Онуфриевых и управы нет. К тому же, – старшая русалка поджала губы. – никто тебя в деревне и слушать не станет. Тебя же ведьмой деревенской считают, а ведьм у нас, в Берестяном царстве, не любят. Могут и в гибели родных обвинить, да и забить камнями.

– Вот уроды дурные. – высказалась Алёна Дмитриевна в адрес своих будущих соседей. – Как же быть в таком случае? Ой, – спохватилась она. – у меня же брат, вроде как, имеется? Ванька?

– Брат твой мал еще. – вмешалась русалка Полина. – Ему, всего-то, тринадцать лет. Отрок он, конечно же, справный, не иным чета, но зеленый совсем. И тебе в град к нему соваться нечего – забыла, что у мельника сообщники имеются? Одна у тебя дорога – к бабе Яге, тем более, что она восточку прислала, и сама тебя к себе требует.

Алёна Дмитриевна, то бишь, Алёнушка, вспомнив ту рожу страшную, которая ей в вихре сером привиделась, призадумалась – женщиной она была не робкой, сообразительной, хваткой и, порой, безжалостной. Иначе, никак. Иные, в бизнесе, особенно таком специфическом, как строительный, не выживали, разорялись и шли ко дну.

Вот и сама Алёна Дмитриевна не убереглась. Как говорится – и на старуху найдется проруха. Нашлась и на неё.

– Олечка, Олечка.. – качала головой Алёна Дмитриевна, прохаживаясь по берегу неведомой реки неведомого мира. – Подлец ты, Олечка, первостатейный. И не сам ты план этакий хитрый придумал. Чувствуется рука мастера интриг.

Русалки внимательно наблюдали за хаотичными метаниями девушки по берегу и то, что деревенская девчонка не бьется в рыданиях, не заламывает руки и не кидается обратно в речку, дабы утопиться, внушало рыбохвостым определенные надежды.

Ссориться с могущественной сущностью, такой, как баба Яга, живущая в дремучем лесу, русалкам не хотелось. У них, как бы, свой имелся господин и повелитель, хозяин местной речки, водяной, Карп Сазаныч, но баба Яга, есть баба Яга. Дюже злобная она женщина, могущественная и злопамятная.

Не зря деревенские болтали о том, что гуси-лебеди те, много лет назад, не просто так малолетнего Ванюшку унесли на своих крыльях в темный лес. Испытание то было, для сестры его, Алёнки. И Алёнка, испытание, выдержала, потому и требует нынче баба Яга, чтобы девица Алёнка из Рябиновки, к ней явилась по зову её, а иначе, не станет спокойствия в этих краях. Мстительная ведьма из Дремучего леса, могуществом большим обладает. Легко может старуха недобрая жизнь люду деревенскому поломать – порчу наслать на скотину, поля потравить, да мор напустить на малых детишек.

– Мается девка, мечется. – шепнула старшая русалка младшей. – Ты-то, лягуха лупоглазая, клубочек волшебный не потеряла, разом? Смотри, не утопи вещицу волшебную, ненароком.

– Как же, утопишь его. – скривилась русалка. – Он в воде не тонет, да и в огне, небось не горит. Сама баба Яга зачаровывала. Это вам не баран чихнул!

– Видать, преемницу старуха лютая себе ищет. – предположила Матрёна. – Состарилась совсем баба Яга, вот и желает ученицу взять, дабы было кому власть над нашими лесами и полями передать.

– Алёнку нашу? – округлила глаза младшая. – Куда уж ей, распутёхе?

– А, ты, не кудахтай, как курица глупая. – одернула старшая Полинку. – Не видишь, изменилась Алёнка наша. Как бы из девицы этой не вылупилось диво-дивное. Сдается мне, что из неё-то, баба Яга отличная получится, как бы не лучше нынешней.

– Надумала чего, девица? – Матрёне надоело ждать, и она решила поторопить девушку. – Ты, так и будешь, травку ноженьками утаптывать? Гляди, как бы беды не случилось – скоро пастух стадо на водопой погонит, да тебя приметит. А ты, до сих пор, шастаешь в непотребном виде, хотя, сарафан твой, высох давно.

– Кто бы говорил. – буркнула Алёна Дмитриевна, намекая на то, что русалки и сами не без греха. Вон как сиськами своими трясут, словно в стрип-баре танцы исполняют. Буркнуть – буркнула, но сарафан на себя натянула проворно. Мало того, что сама голым задом перед посторонними сверкает, так еще и пастуха местного шокировать? И без того, судя по всему, сплетен про Алёнку немало ходит – и ведьма она, и колдунья, и, вообще, человек нехороший. Такую прибить, самое благое дело. Глядишь, мельнику с сыновьями, ещё и премию какую выпишут от общества. За истребление, так сказать, нечисти в лице одной глупенькой девицы.

Но, Алёна Дмитриевна себя глупой не считала, а коли так, то..

– Полина, – обратилась нынешняя Алёнка к молодой русалке. – Я, кажется, что-то тебе задолжала. Услугу, да? За своё спасение? Хотелось бы расплатиться, за всё и сразу, а то такие проценты набегут, что и не унесешь.

Полина реплику про проценты мимо ушей пропустила – не знала русалка простая слов иноземных, а, вот то, что Алёнка про долг вспомнила, хвостатую порадовало.

– Поможешь мне в дельце одном и в расчете мы будем. – деловым тоном заговорила русалка. – Тебе, кстати, дельце моё, в радость станет – святое дело мельнику напакостить, да сынам его подлым.

Алёна Дмитриевна шишку на затылке пощупала, мимолетно порадовалась тому, что крепкая голова ей досталась, коли камень из пращи в ней дырку сделать не смог и кивнула.

– Излагай своё дело, не торопясь и по порядку.

Случай, как водится, выдался тёмный, мутный и неприятный.

Полюшка, странное дело, но молодая русалка не удивлялась тому, что Алёнка её не помнит – жила, как и Алёнка Васильева, некогда, в Рябиновке, пускай и на другом краю деревни. Девкой Полина справной, при своей земной жизни была, годками, лишь слегка постарше самой Алёнки, работающей, да фигуристой. Парни на молодуху заглядывались и всё ждали, пока она в пору девичества войдет, да заневестится. Тогда уж, можно к родителям зазнобы женихов засылать, да про свадебку сговариваться.

Только переборчивая Поля на парней деревенских смотреть не желала, всё носом крутила. Не хотела девушка за абы кого идти, а полюбился ей старший сын местного мельника, Василько.

Василько в ту пору первым женихом считался – красавец широкоплечий, да черноволосый, рукастый и говорливый. К тому ж, родители у парня не абы кто – папаня, тот и вовсе, мельник, а матушка, стряпуха знатная – такие пироги печет, что на весь край дух идет заманчивый. Ни у кого такие пироги не получались, как у тетки Фёклы Онуфриевой.

Загуляла Поинка с Васильком, задружила. Любовь про меж них пошла великая, да недолго только. Как призналась девка парню в том, что непраздна она, да о свадьбе заикнулась, так Василько вмиг суровым стал и строго-настрога наказал зазнобе про то не болтать никому, а сидеть тихо и помалкивать до поры, до времени.

Поинка и помалкивала, опасаясь, что парень от неё откажется, да и бросит одну. Куда она потом, с пузом-то? Родители, прознав про блуд позорный, из дома выгонят и придется ей идти неизвестно куда, по дороге побираться, как последней нищенке.

Но однажды Василько заявился, под вечер приехал, никем не замеченный. Поинку на повозку усадил, да и повез далеко, на отдаленный хутор, где проживала бабка-повитуха Суняя, про которую болтали, что, мол ведьма она, да и служит богам старым, недобрым.

Поинка беды не почуяла – хорошо ей было, радостно от того, что Василько не забыл про неё, а что до бабки на хутор едут, так, мало ли. Может спрятать решил любой зазнобу свою, гнева родительского убоявшись.

Но, случилось дело плохое – старуха та, Поинку дурман-травой опоила, да и дитя невинное погубила, из чрева материнского вытравила колдовством недобрым, а когда очнулась девка от сна тяжкого, то любого и след простыл, как и не было его вовсе.

Полина в плач, в слезы, на бабку с упреками набросилась, а старуха, прогневавшись, сказала страшное.

– Василько повелел тебе забыть про него. Зачем ты ему теперь, порченная и пустобрюхая? После травок моих заговорённых, никогда уж не родить тебе, так и знай. А, теперь – вон пошла, дрянь распутная. Чтобы больше ко мне никогда приходиться не смела!

Не поверила Полина словам тем лютым, да пешком, как была, измученная и пораненная, в Рябиновку потопала, к широкому двору, на котором мельник с семейством проживал.

Василько, как её на дороге приметил, так псов с цепи и спустил, а псы те, зверюги страшные, злобные и зубастые. Поинка в тот раз едва спаслась от клыков острых.

Не в силах совладать с горем своим, пошла она на речку, да в омут глубокий, головой и ухнула. К водяному, Карпу Сазанович попала на суд. У хозяина речного, с мельником, свои счета имелись, стародавние. Не поделил что-то Карп Сазанович еще с дедом нынешнего мельника, так вражда и зародилась. Потому и определил водяной Поинку в русалки и наказал

наблюдать за семейством подлым, дабы при первом же, удобном случае, им пакость какую учинить.

– И чем же это Онуфриевы водяному насолили, – в который раз удивилась Алёна Дмитриевна, сидя на кочке и поджав босые ноги. – коли он на них так осерчал?

– Договор они порушили с хозяином водяным. – шепнула Полинка, опасливо косясь на Матрену. Но, та, на девичье щебетание внимания не обращала – забралась Матрёна на ветку ивы, что низко над водой склонилась и принялась косы свои чесать. Косы у Матрёны дивные были, толстые, пушистые, даром, что годков ей немало исполнилось, а поди ты.. Полинки, той, кудри и то, пожиже достались.

– Онуфриевы, как мельницу на реке поставили, так и богатеть стали незамедлительно. – прошептала Полинка. – Со всей округи пшеницу им на помол везут, с боярского соизволения. Так и заматерели, первыми на Рябиновке стали, да по окрестным деревням никого богаче Онуфриевых не сыскать. А всё потому, что ряд они заключили с батюшкой-водяным.

– Понятное дело, – усмехнулась Алёна Дмитриевна, ничему не удивляясь. – взятку дали должностному лицу. Это же надо, – хмыкнула она. – мир иной, а порядки, как у нас. Не подмажешь, не поедешь.

– Правильно говоришь. – подтвердила Полинка, уважительно взглянув на девушку. – Обещались они каждого своего первенца водяному отдавать, в качестве откупного за кровительство, да, только, обманули они речного хозяина. Одного лишь младенчика притопили в заводи, да и то, потому что, квелым он уродился, да невзрачным. В остальном, Карп Сазанович, только что облизнулся и отдарка не дождался. Осерчал батюшка сильно, но Онуфриевы с кем-то сговорились и оберег возле мельницы своей поставили. Не достать теперь их речному хозяину. Сами же Онуфриевы к речке не подходят, опасаются мести водяного.

– И чем я помочь могу? – удивилась Алёна Дмитриевна, слегка поживившись. Водяного она, пока что не видела, но уже опасалась. Это надо же, за крышевание с толстосума местного, душу невинную требовать. Дитё, можно сказать, на свете пожить не успело, а его топить? – Лютые у вас здесь, как я погляжу, нравы. – неодобрительно произнесла она.

– Какие есть. – развела руками русалка. – Но, к делу вернемся. – ровным тоном произнесла рыбохвостая. – Вон, – кивнув головой вдаль, произнесла водяная девушка. – видишь мосток над водой?

– Вижу. – подтвердила Алёна Дмитриевна и насторожилась. Чувяла она, что не так-то просто будет ей перед русалкой местной долг закрыть.

– На тот мосток бабы местные белье полоскать ходят. – продолжала Полинка, улыбаясь каким-то, собственным мыслям. – И я туда ходила – белье постирать, с девчонками посмеяться. Эх, – взгрустнулось русалке. – хорошие были времена!

– Что дальше? – Алёна Дмитриевна торопила русалку. Время к вечеру и в желудке неудачливой попаданки уже урчало от голода. – Что мне делать на тех мостках?

– Ничего сложного. – русалка передернула плечами. – Прогуляешься на вечерней зорьке перед домом мельника, Василько с Антипкой тебя приметят, да и кинутся следом. Всего и надобно, чтобы кто-то из них на мостки те зашел. Как зайдет, долг твой и спишется. Дальше – моё дело. – и русалка злобно ощерилась, явив хищные, острые зубы, точь-в-точь, как у рыбы пираньи.

– А, сейчас как мне быть? – Алёна Дмитриевна с тоской взглянула на безмятежное небо, по которому медленно плыли пухлые облака. – До вечера еще дожить надо.

– Домой иди. – посоветовала ей русалка. – Там, тебя, уж точно, искать никто не станет. Онуфриевым и в голову не придет, что ты осмелишься в избу родную вернуться после гибели родителей. Отсидишься до вечера, а, там, сама знаешь, что делать.

Алёна Дмитриевна вздохнула – оставалось надеяться на память незадачливой Алёнки. Сама-то она в той Рябиновки дом девушки, ни в жизнь, не отыщет.

– Соседям на глаза не попадись. – предупредила русалка попаданку. – Огородами крадись, таись ото всех.

– Поняла, не дура. – шмыгнула носом Алёна Дмитриевна и махнула рукой. – Давай, хвостатая, до вечера. Не знаю, как, но один из двух на мостки точно прибежит. Обещаю.

В ответ лишь волна плеснула – оглянулась девушка, а русалок, точно ветром сдуло. Одна-одинешенька она на берегу осталась, если, конечно, не считать ту самую жабу Агату, которая сидела на ближайшей кочке, раздувшись от важности.

– Тебя-то мне и надобно. – обрадовалась Алёна Дмитриевна, ухватив жабу за толстую спинку. – Все не в одиночку куковать. Даже с жабой в компании и то, веселее, чем одной.

Жаба возмущенно запыхтела. Но, кто бы ещё её слушал!

Алёна Дмитриевна, шипя от раздражения – идти пришлось босиком, да по колючей траве – башмаки, так и не успели просохнуть, крадучись двинулась вперед. До вечера предстояло много дел переделать – отыскать родной дом Алёнки, плотно покушать, да собрать узелок в дорогу. И, волосы расчесать. И, отдохнуть. И, помыться.

В общем, предстояло много дел и все в тайне от любопытных соседей. А в деревне, как вы понимаете, каждый житель на виду.

– Раз уж так выпали карты, – решила Алёна Дмитриевна. – то, нужно играть. Лучше уж в этом сказочном мире быть деревенской девушкой Алёнушкой, чем в своем – трупом, упакованным в плотный, черный мешок.

Глава 3.

Сказано было Алёне Дмитриевне ясно и недвусмысленно – не отсвечивать, передвигаться тайком, желательно, кушерами и огородами. Она так и поступила, о чем, впоследствии, ничуть не пожалела.

Как подозревала сама Алёна Дмитриевна, душа местной девушки Алёнки, хоть и испарилась в неизвестном направлении, покинув сей бренный мир, память реципиента, зияя обидными прорехами, но помогла незадачливой попаданке справиться с неординарной ситуацией.

Хорошо ещё, что, прожившая в своём мире сорок два годика, Алёна Дмитриевна Почесуха обладала устойчивой психикой и не спешила ударяться в панику, однако, согласитесь, банальным, то, что с ней произошло, назвать нельзя.

Не каждому «повезёт» попасть куда-то, в место, не совсем обычное, тем более, очутиться в чужом и непривычном теле.

К тому же, Алёна Дмитриевна ощущала себя слегка странно – ей бы, последовав совету русалки, затаиться и залечь на дно, а её, вот некстати, тянуло на подвиги. Хотелось не в подполе сидеть, с Агатой в обнимку, а бежать в центр деревни, к вечевому колоколу. Колоколом тем, староста народ на сход собирал, когда в том надобность возникала. Очень хотелось Алёне Дмитриевне в колокол тот ударить, народ созвать и рассказать люду деревенскому про подлые делишки семейства Онуфриевых. И, потом, как быть с биологическими родителями тела Алёнки? Их, кажется, в овраг сбросить велено было, волкам на поживу?

Разумеется, время стояло теплое, летнее, а, потому, сытное. Не в раз волки на добычу накинута, ну и что с того? Похоронить бы надо родителей по-человечески, как обычай велит.

Алёна Дмитриевна успешно подавила в себе самоубийственные желания и списала хаос в мыслях на гормональный всплеск – в семнадцать лет, обычное дело, совершать необдуманные поступки, а её биологическому телу, как раз, семнадцать. Поэтому – подавлять и препятствовать. Жить, потому что, очень хочется, пусть и в непривычных условиях.

Сорвав с дерева сладкое яблоко, очень похожее на плод, сорта «белый налив», Алёна активно задвигала челюстями. Соседи не обедняют, а она, уж очень кушать хочет.

Агата неодобрительно булькнула жабым ртом, но послушно притихла, повинувшись властному движению молодой девушки.

Таскать упитанную жабу было тяжело. Своим внешним видом Агата напоминала, ту самую, хорошо отъевшуюся, тростниковую жабу-рекордсменку, найденную в Австралии и весившую, если женщине не изменяла память, больше двух с половиной килограмм.

Помнится, Алёна Дмитриевна очень долго рассматривала фото земноводного и удивлялась тому факту, что, по сути своей, жаба та, жрала всё, что ей в рот помещалась – насекомых, мелких рептилий и даже млекопитающих, типа мышей и прочей мелюзги.

Причины, побудившие Алёну, утащить жабу так далеко от реки, были неясны ей самой, но, вот чувствовала попаданка, что Агата ей обязательно пригодится.

Засев в пыльных кустах у дороги, на манер засады, попаданка-вселенка притаилась и принялась наблюдать за Алёнкиным жилищем.

Изба, как изба – просторная, добротная, с крышей, крытой, как у всех, камышом, да соломой, а, может и ещё чем-то, водонепроницаемым – Алёна в том плохо разбиралась. Забор, опять же, высокий, за забором, гремя цепью, бродил зубастый пёс. Верного сторожа так и звали – Зубастый.

Зубастый чуял хозяйку, засевшую в кустах и пребывавал в недоумении – почто затаилась, во двор не заходит и его, Зубастого, кормить не спешит?

Пастух, по всей видимости, стадо пригнал, потому как, взрослая корова и молодая телка, жалобно мычали под воротами. Вымя у коровы было полным и Алёна Дмитриевна, никогда

в жизни корову не доившая, алчно облизнула пересохшие губы – память Алёнкина, на что? Небось, руки девичьи не забыли, что, да как. Как-нибудь, но корову подоят и обеспечат новую владелицу тела каким-никаким, но ужином.

Ничего подозрительного не происходило и, Алёна, совсем было вознамерилась открыть калитку и впустить корову во двор, как внезапно, сердито и басисто рывкнул Зубастый, а с ближнего дерева, вниз соскользнула гибкая мальчишечья фигурка.

– Кольша. – ахнула Алёна Дмитриевна, задержав дыхание. – батрак малолетний, Онуфриев согладатай, да докладчик. Ух, я тебя хворостиной!

В памяти Алёны мгновенно всплыли воспоминания о парнишке – неплохой малец, работающий.

Потому, за хворостиной тянуться не спешила – Кольша жалостливо погладил корову по морде и, не обращая внимания на рычание Зубастого, толкнул калитку, выпуская корову во двор. Умное животное проследовало знакомым маршрутом, а Алёна проводила парнишку полным подозрения, взглядом.

– Белкин сынок. – поджав губы, размышляла женщина, продолжая таиться и осторожничать. – Сейчас хозяевам доложит о том, что я дома не появлялась и домой отправится, Белке помогать. Их у Белки семеро – мал мала меньше и все жрать хотят каждый день. Отец Кольшин лес по реке справляет, плотогон он, а Кольша, матери один помощник, вот и крутится, как умеет. И изба у них худая совсем, дыра на дыре, а сами они, люди добрые, бедные только.

Убедившись в том, что шпион Онуфриевых направился по своим шпионским делам, Алёна прошмыгнула в приоткрытую калитку и Агату за собой потащила. Жаба пыхла и дрыгала коротенькими лапками, Зубастый, учуяв подозрительную особь, во дворе ранее не проживавшую, глухо зарычал, но Алёна, добавив в голос строгости, тихо рывкнула.

– Молчать. Агата со мной.

Жаба грузно плюхнулась на землю, сверкнула белесым брюхом и куда-то пропала. Зубастый, настороженно понюхал воздух и недоверчиво уставился на Алёну. Что-то в молодой хозяйке казалось псу неправильным, но, что? Вроде, всё тоже самое – две ноги, две руки и голова, сарафан, опять же, тот же самый. Взгляд, разве? Больно уверенно держалась нынешняя Алёнка и приказывала властно. Та, прежняя, плакала часто и голову в плечи вжимала, когда на нее кричали.

Алёна Дмитриевна в деревенских избах никогда не жила, но подозревала, что электричества, в конкретно этой избе, днем с огнем не найдешь.

Корову следовало подоить и самой покушать. К тому же, животные не должно страдать от людской дурости.

Ноги, сами по себе потащили девушку в избу, и попаданка не стала противиться, привычно совершаемым, действиям.

– Девушка. – хмыкнула про себя Алёна. – Странно звучит, но, чертовски приятно ощущать себя молодой и шустрой. Надеюсь, что личико мне досталось смазливое. Не хотелось бы выглядеть страхолюдиной, пусть в прошлой жизни я не была красавицей, но и уродиной меня никто не считал.

Алёна Дмитриевна, нахмурившись, попыталась вспомнить свое новое отражение, виденное в реке. Вспоминалось плохо, образ получался некачественный и размытый.

Так и не определившись с тем, красotka она нынче или уродина, Алёна, махнув рукой, решила, что ей не к спеху. Потом разберется. Все равно, жить придется с новой внешностью, привыкать к ней, опять же и вида не подавать о том, что ей всё в этом мире в диковинку.

Пока думала, руки сами отыскивали что-то в темноте и вскоре избу осветил огонек лучины.

– Во, как? – Алёна хмыкнула – как бы с подобным скудным освещением себе лоб не разбить.

Худо-бедно, но до хлева девушка добралась, а там уж...

– Нет, – вскорости решила Алёна Дмитриевна. – строительное дело, конечно же, занятие хлопотное и нервных клеток сжигает массу, но корову подоить, тот еще квест! Особенно, с непривычки.

Руки доили, мозги грозили спятить, но молока Алёна, все же, добыла и корову с телком покормила.

Умная животиная действиям девушки не препятствовала, стояла смиренно и норова строптивого не являла. Звалась корова Зорькой, Алёнку всегда слушалась и норовила лизнуть молодую хозяйку своим мягким языком прямо в лицо.

– Фу, Зорька, фу! – отбивалась, как могла Алёна Дмитриевна. – Хватит жалеться. Ты мне так всё молоко расплещешь.

Телку, вообще, все было фиолетово – лишь бы молочком напоили и хлеба с солью дали. Молока вышло много.

– Будет мне ужин. – решила попаданка и вспомнила про Зубастого. – И ему хватит.

Разумеется, молоко, хорошо было бы процедить, но ничего пригодного для этих целей, Алёна не обнаружила, зато, отыскала пару вареных картофелин, краюху темного хлеба, кажется, такой называется, ржаным, луковицу и морковку.

Овощи, смахивающие на морковь, лук и репу Алёна отложила на потом, а сама, покрыв хлеб в молоко, отнесла Зубастому.

Пес, если и удивился чему странному, то возникать не стал и сожрал то, что дали. Да, как еще сожрал – с завидным аппетитом, чавкая и поскуливая от удовольствия.

Алёна тоже не заморачивалась – процежено, не процежено, а умяла свою часть за милую душу и лишь после этого почувствовала посторонний взгляд, прожигающий спину насквозь.

– Кольша? – удивилась попаданка и насторожилась.

Малец топтался на пороге и смотрел на Алёну голодным, щенячьим взглядом.

– Я.. тут.. того-этого.. – мямлил парнишка, а, женщина, понимающе усмехнувшись, спросила.

– Кушать хочешь?

Кольша судорожно сглотнул – хотел, ещё как, хотел.

Онуфриевы его, конечно же, кормили, но не сегодня. Обозленный тем, что негодная Алёнка ускользнула из его жадных рук и раздосадованный, что батрачонок так и не сумел выследить беглянку, Василько, вместо ужина выдал мальцу пару подзатыльников и согнал со двора. Просить еды у матери Кольша не стал – малым и без того мало достается, а он, уже большой, может и потерпеть.

– Бери, лопай, малец. – Алёнка пододвинула к Кольше глиняный кувшин и приказала:

– Ешь и рассказывай о том, что там эти злыдни, Онуфриевы, против меня умышляют?

Пацан себя упрашивать не заставил, если властность в голосе Алёнки его и удивила, то парень решил, что промолчать выйдет дешевле. К тому же, кушать хотелось – попробуй без обеда целый день, на ногах, да на свежем воздухе, да еще и в работе? Так жрать захочешь, что мама не горюй!

– Василько велел по деревне бегать и тебя сыскать непременно. – выпив молоко и съев весь хлеб, промямлил мальчишка, пряча виноватый взгляд. – Сказывал, что здесь ты прячешься где-то. Следить приказал.

Алёна хмыкнула, припоминая наглую, разожравшуюся харю старшего сынка мельника. И, Полинка с этим хряком любовь крутила, по доброй воле? Точно говорят, что любовь зла, полюбишь и козла! Вернее, такого хряка, как Василько.

Про собственную судьбу, попадись она в лапы Онуфриевым, Алёна знала всё – будут долго насиловать, а, затем, как и Алёнкиных родителей, в овраг кинут, зверью дикому на поживу.

А, вот, выкусите! Попадаться в лапы убийцам нынешняя Алёнка не планировала. Самих Онуфриевых в тот овраг отправит, дайте срок!

– Бежать тебе надобно, Алёнка. – жалостливо поглядывая на девушку, пробормотал Кольша, утирая нос рукавом замызганной рубашки, такой ветхой, что стыдно и на ветошь пускать. – Убьют они тебя. Дюже сердитый Василько – дубье приготовил и рогатину. Болтал, что станет травить, словно дикого зверя.

– Про родителей моих, что сказывали? – строго спросила Алёна, изображая из себя злого следователя.

– Сказывали, что не вернутся они из града. Мол, дядько Прокопий решил у сына погостить. – и, глаза отвел. Догадывался малец, что не всё ладно с соседями, но помалкивал. За свою семью опасение парнишка имел. – Брешут, поди.

– Брешут. – задумчиво повторила Алёна Дмитриевна, то есть, теперь уже, Алёнка.

То, что в Рябиновке житья ей не будет, девушка поняла без разъяснений – в памяти, то и дело, всплывали обрывки чьих-то разговоров, злое лицо местного старосты, Митрохана Авдеевича, обидные крики за спиной: «ведьма», да «колдовка». Видно, что и в самом деле, надобно уходить. Только, вот куда?

– Куда-куда? – сама на себя обозлилась Алёна. – На Кудыкину гору. Да, хоть и к бабе Яге! Может, посоветует, что.

Подозревала Алёна Дмитриевна, что стараниями злобной старухи, попала она в этот мир. «Заодно и разберемся, что и почему. Разгадаем, так сказать, шараду.» – решила она.

Но, прежде, надо подготовиться и в дорогу собраться.

Да и с долгами рассчитаться – никогда Алёна Дмитриевна в должниках не ходила и теперь не собиралась.

– Папка не вернулся еще? – спросила она у мальчонки.

– Нет. – шмыгнул носом Кольша. – В этот раз, что-то долго очень. Мама плачется всё, боится, что папку водяной забрал.

– Сдался твой папаня Карпу Сазановичу. – отмахнулась от слов мальчишки молодая соседка. – Небось, работа какая подвернулась в граде, вот он и задерживается.

Родители Алёнки, у местных жителей, считались зажиточными, потому, как отец девушки, Прокопий Васильев, малой торговлей занимался, с братом своим, троюродным в доле состоял. От того и сарафан у девушки был нарядным, не чета тем, в которых девки деревенские хаживали. Впрочем, это он Алёнке местной нарядным казался, а для Алёны Дмитриевны, попаданки – дерюжка-дерюжкой.

Но, после гибели родителей, имуществом Аленке распорядиться придется, потому, как братец её, в служивые ушел.

Алена Дмитриевна знала уже, как распорядиться, унаследованным от погибших родителей реципиента, имуществом – не старосте же, Митрохану, оставлять? Староста тот, скорей всего, про разбойные делишки Онуфриевых, ведает, но покрывает лихую семейку. Из страха, из корысти, но поступает бесчестно.

– Поможешь мне, – строго начала говорить Алёна. – будет тебе, Кольша, прибыль.

Кольша так и обомлел, про водяного услышав. Алёнка хозяйина речного запросто по имени-отчеству величала.

«Правду люди болтают, – решил малец. – когда Алёнку колдовкой величают. Вон она как запросто, про водяного-то. Может, в самом деле, папка во граде работу добрую нашел. Вернется, привезет нам всем по петушку сладкому на палочке.»

Алёна, не теряя времени зря, принялась инструктировать мальчишку на предмет, для него важный – куда пойти, да что сказать, дабы от себя подозрения отвезти. Парнишка слушал, вникал, сияя глазенками – награда за содеянное обещалась быть царской. Возвращаться в Рябиновку девушка не планировала, потому и намеревалась избу и хозяйство доброе, оставить

Кольшиному семейству. Не старосте же, на самом-то деле? У того, единственного, в Рябиновке, дом каменный и корова не одна в хлеву мычит, а маленькое стадо. И это, кроме всякой другой разной живности, помельче, богато – коз, свинок, да курей с утками.

После того, как Кольша, Белкин сын, скрылся в темноте, Алёна, торопливо побросав в холщовую суму кое-какие вещички, да немудреную еду, направилась к реке. Долги раздавать.

Страх не было от слова «совсем». Почему так, женщина не знала. В прошлой своей жизни она особой отвагой не отличалась. У нее, как-то, на улице сумку из рук вырвали, с телефоном и кошельком, так она даже попытки не сделала, броситься вслед за грабителем.

«Бог с ней, с сумкой, – тогда решила она. – жизнь и здоровье дороже.»

Сегодняшней ночью, женщина собиралась рискнуть и тем, и другим. Просто, чувствовала, что иначе, никак, что нельзя свою вторую жизнь начинать с обмана и неблагодарности.

Выйдя во двор, Алёна плотно закрыла двери – теперь это больше не её дом, не дом Алёнки из Рябиновки. Жить в нем станет мальчик Кольша и все его многочисленное семейство.

– Агата. – позвала Алёна жабу-переростка. Ничуть девушка не сомневалась в том, что жаба объявится.

Агата выбралась из собачьей будки и тяжело подпрыгивая, двинулась на встречу попаданке. Зубастый проводил наглое земноводное ошалелым взглядом и торопливо юркнул в свою конуру – мол, ходю тут всякие, порядочных псов из собственного жилища выгоняют.

– Прощай, Зубастый, – молодая девушка, с непривычно строгим выражением лица, махнула псу, чувствуя, как слезы заполняют глаза. – служи новым хозяевам верно. Меня, лихом не поминай.

Это были эмоции Аленки, но и самой попаданке было жалко погибших родителей прежней хозяйки своего нынешнего тела. Она, как ни странно, помнила о них все – хорошие люди, добрые и не злые.

*

Недалече от Рябиновки, у края леса, стояла одинокая изба. Сторожка. В ней проживал не сторож, как это можно подумать из-за названия. Лесничий в ней проживал, с семейством.

Лесничий тот, Тит Михайлович, от боярина поставлен был, за порядком доглядывал и добро хозяйское охранял от посягательств. Досматривал он за лесным массивом, что к Рябиновке примыкал и следил, чтобы абы кто по лесу тому не шлялся и деревья за зря не рубил. Потому что, частная собственность они и боярину принадлежат.

Браконьеры озоровали, конечно, как же без них? Но, Алёнка, не браконьер, чай.

Прибрела Алёна Дмитриевна к избе лесника, поскреблась в калитку. Псы-волкодавы забрежали громко, но не зло. Знак хозяину подали о том, что чужие за воротами, но неопасные.

Лесник к гостье сам вышел, и тут Алёну прорвало. Девушка словно взорвалась изнутри, эмоции бывшей хозяйки тела захлестнули её с головой – присутствовал в них и страх, и отчаянье, и безысходность, скорбь по погибшим и лютая жажда мести.

Как в избу попала, не помнила девушка, но рыдала взахлеб, про родителей погибших все леснику рассказала, похоронить просила по обычаю людскому. Монету – серебрушку на стол, выскобленный до блеска, положила. Про Онуфриевых промолчала – зачем хорошего человека под монастырь подводить? Не по зубам разбойная семейка Тит Михайловичу. Он про то и сам ведал.

Еще одно дельце попаданка сделала, как Алёнка из Рябиновки. Кстати, и полное имя свое узнала заодно – Алёнка, дочь Прокопия Васильева, торгового человека.

Грамотку она написала дарственную и подарила избу родительскую, со всем добром, семейству Белкиных.

Лесник сокрушался, головой качал, но грамотку прибрал, обещаясь старосте укорот дать и права Белкиных, на подаренное им имущество, защитить. И родителей Алёнкиных обещал

похоронить достойно, за счет общины, для которой они много чего хорошего сделали, а серебряшку, Алёнкой оставленную, поклялся в храм Старых богов отнести и жрецу отдать, дабы тот молился за безвинно убиенных. К тому же, Тит Михайлович клятвенно заверил сироту в том, что отпишет боярину про лихих людей, что позволяют себе в лесах заповедных своевольничать и людишек истреблять, почем зря.

Пожелал лесничий Алёнке доброго пути и проводил за ворота, сокрушаясь, что, мол, негоже, девице молодой, да в дальний путь и без сопровождения.

Сама же Аленка объяснила поступок свой странный тем, что к брату в город идет. Мол, берут ее на двор боярский, помощницей стряпухи. Хорошая должность, хлебная. При таком раскладе, изба в Рябиновке ей ни к чему.

Лесник поверил или, сделал вид, что поверил – Алёне все равно было. Главное, чтобы Белку и её многочисленное потомство не обидели.

Сама, управившись с делами, к реке пошла, а лесник остался, подслеповатыми глазами всматриваясь в грамотку, написанную на небольшом листке серой, плохого качества, бумаги. Удивительное дело, но, как оказалось, Алёнка отлично умела читать, считать и писать красивым, мелким почерком. Как понимала попаданка-вселенка, отец научил. Купцу-то, без подобного умения, куда? Торговать, уж точно, неуместно – вмиг обдерут, как медведь липку.

До реки, Алёнка, то есть Алёна Дмитриевна, шла ходко, но особо не спешила, да и приличный вес упитанной Агаты, уместившейся в холщовой сумке, прибавки в скорости не способствовал. Жаба помалкивала, да и сама девушка, пребывающая в расстроенных чувствах, в данный момент в собеседнике не нуждалась.

Она, все больше и больше привыкала к своему новому телу – молодому, сильному, красивому. Семнадцать цветущих лет – это вам не сорок два! Вся жизнь впереди и жизнь эту, Алёна-Алёнка намеревалась прожить достойно.

Чувствовала женщина, что встряла она крепко и вернуться назад, то есть, в свой, родной мир, к предателю Олегу и подлой племяннице Юльке, ей уже не удастся. А, раз так, значит надо устроиться, как можно лучше и не попасться повторно, так же глупо и на ту же удочку.

Сумку она в кустах спрятала, предварительно выпустив Агату на зеленую травку. Довольная жаба ушлепала по своим жабым делам, Алёна, спустившись к реке, прошлась по мосткам, почти до самого края и принялась ждать.

Помнится, здесь она частенько полоскала белье, у самой глубокой воды, над опасным омутом. Остальные девчонки на дальний мосток ходили с опаской – боялись Иван Иваныча, огромного и жутко прожорливого сома, который, по слухам, мог утащить под воду взрослого мужика.

Алёна в те слухи не верила – не бывает подобных рыб, не водятся они в речках, таких, как Корча. Да и как прокормиться хищной рыбе? Не каждый день, чай, в воду упитанные тушки падают.

То, что мстительная русалка где-то рядом, притаилась и ждет, Алёна Дмитриевна догадывалась. Полина спасла жизнь её новому телу, вытащила из глубокой воды, а значит, Алёна ей должна. Долги свои, Почесуха, еще в той жизни, отдавать приучена была, а, значит, что и в этой своим принципам изменять не стоит.

Вообще-то, мстительность русалки, ей была вполне понятна – накосячил, будь любезен ответь. И о моратории на смертную казнь, как подозревала Алёна Дмитриевна, в этих местах, никто слухом не слыхивал. Оно и к лучшему – подобных граждан, имеющих гниль за душой, давить надо ещё при рождении.

Что уж там за наказание русалка придумала для коварного сынка мельника, девушка знать не желала – все, что с ним не случится, произойдет по его собственной вине, а, значит, заслуженно.

Где-то вдали лениво забрехали псы и началась какая-то движуха.

– Пошла движуха. – Алёна, до боли в глазах, всматривалась в темные очертания домов. Спать, как это водится в деревне, ложились с курами, а просыпались с петухами. День летний, хоть и длинный, но и он заканчивается ночью, а ночью труженикам отдыхать положено. Здесь нет ни ночных баров, ни кафешек, ни прочих сомнительных заведений, в которых можно весело проводить время до утра.

Впрочем, имелся в Рябиновке шинок. Вот, храма не было, а шинок, был. Но и это питейное заведение работало от силы, до полуночи, а, теперича, ночь за полночь, уж давно перевалила.

– Идут. – поняла Алёна и приготовилась. – Василько, трус, как я погляжу. Один идти побоялся, брата, Антипку, за собой потащил в качестве группы поддержки.

Девушку отлично можно было разглядеть на мостках – луна светила, точно прожектор, волны лениво перекатывались, плескалась рыба в реке, лягушки подавали голос, точно на армейской перекличке.

Василько едва не шипел от злости, со всех ног бежал к реке, чувствуя за спиной тяжелое дыхание брата.

«Выжила, подлая тварь. – радостно скалился парень. – Не потопла, гадюка. Значит, будет нам с Антипкой, какое-никакое, а развлечение. Это батяне интересно мошну Прокопия Васильева захватить, а нам бы девку мягкую пощупать, да повалять всласть.»

На Алёнку Васильеву Василько давно алчно поглядывал – хороша девка, фигуриста, сисяста и на личико смазлива. То, что не замуж брать её, так еще лучше – можно и в любовницах держать, как это у богатых людей заведено. Болтали, правда, что Алёнка – ведьма, но Василько на то плевать хотел. Известно же, что любая баба, по сути своей – ведьма, а, то, что Алёнка, когда-то давно брата своего младшего от бабы Яги спасла, да от гусей-лебедей ускользнуть ухитрилась, в то Василько не верил.

Брехня чистой воды.

Видел парень как-то тех гусей-лебедей над дальним лесом – здоровенные твари, мощные. Крылья, как паруса на больших лодках, что в княжий град с Северного моря на торг приплывают. Зло курлыкали те страшные птицы, крыльями хлопали и над лесом кружили, словно задумали что недоброе. Лесник старый, Тит Михайлович, сказывал, что стрелы добрые, от перьев их отскакивают, вреда не принося.

И Василько верил старому леснику – от таких гадов летучих не убежать никому, не скрыться, тем более, девчонке сопливой с малым братишкой на руках.

А, баба Яга, так и вовсе – старуха лютая, никого живьем из своих владений не выпускающая. Велики те владения – весь Дремучий лес. На много дней пути тот лес простирается, зверями дикими, да разными тварями населён. Так, что, нет – не могла Алёнка от бабы Яги сбежать. Придумала девчонка ту историю, а бабы языки длинные, её подхватили и по миру разнесли, Алёну, в те времена, соплю ещё, зелёную, ведьмой ославив.

Алёнка стояла в конце мостков, а Василько и Антипка на берегу топтались. Василько, с некоторых пор, жутко воды боялся – виделась ему порой в водах Корчи гибкая девичья фигурка и голос слышался в тиши, знакомый голос, страшный.

Алёна терпеливо ждала, а Василько все никак не мог решиться и ступить на мостки.

Антипка за его спиной, было поднял лук, да прицелился, но лунный свет слепил парня, точно солнечный и прицелиться не получалось.

– Иди сюда. – приказал Василько хриплым голосом и поманил девушку рукой. – Иди, не обидим.

«Как же, не обидел один такой. – хмыкнула Алёна Дмитриевна, прикрывая лицо, якобы от испуга. – Думаешь, забыла я о маменьке и папеньке, которых вы в овраг сбросили?»

– Я боюсь. – тихим голосом прошептала она, опасливо сделав один шаг по направлению к парню. – Что я здесь делаю и где мои папенька и маменька? Никак я понять не могу – каким-таким волшебным образом, я, одна, ночью, на реке очутилась?

Глаза Василька радостно расширились, и парень засопел доволью.

– Да она не помнит ничего, убогая. – ахнул Антипка. – Хорошо её камнем по башке приложило, весь разум выбило разом.

– Иди ко мне, Аленка. – позвал Василько ещё раз. – Родители тебя обыскались, все ноги сбили, а ты, здесь, на речке, да еще и ночью. Одна. Нехорошо это для приличной девицы.

Алёна сделала вид, что поверила словам парня, сделала пару шагов по направлению к сыну мельника, но, будто в чем засомневавшись, замерла.

Алёна остановилась на полпути – все, дальше ни шагу. Опасно. Вон у негодья ручищи какие, мощные и длинные. Коли схватит за косу – не вырвешься.

«Коса эта еще. – поморщилась попаданка, всегда стригшая волосы коротко и стильно. – Мешает.»

Василько колебался – воды он боялся, но девку охापить страх как хотелось. Схватить и уволочь в ближайшие кусты. А, там, кричи, не кричи, не поможет.

И тут Алёна сделала то, чего, находясь в здравом уме, не совершила бы ни одна деревенская девушка – резким движением она содрала с себя сарафан и выпрямившись, выставив грудь вперед и оттопырив тугую попку, горделиво взглянула на парня.

У того, как говорится, башню снесло – голую девку увидеть, да еще так близко!

В деревне, муж жену голой, только в бане наблюдать мог, да и то, с оговорками, а уж девку, да еще незамужнюю? Охальника, который за девчатами на речке подглядывать решился, могли отцы с братьями и до смерти забить, при случае, дабы другим неповадно было.

Не выдержал парень – похоть в башку вдарила, в миг разума лишив.

И, Василько прыгнул вперед, прямо на Алёнку.

Девчонка взвизгнула и отшатнулась, а парень, нелепо взмахнув руками, опасно приблизился к краю мостков.

Незаметная в воде Поинка, выпрыгнув, обвила ноги своего обидчика руками, да и утянула под воду, без единого всплеска.

Был Василько и, нет его. Пропал.

Антипка взвыл – про опасения брата он ведал, но, все равно, следом за ним на мостки полез – уж очень хотелось ему сладкого девичьего места попробовать.

– Ведьма! – взвыл Антипка, выхватывая пращу. – Убью гадина! Разорву, как лягуху!

Но тут, что-то темное и тяжелое, прыгнуло прямо на него, с силой ударив в грудь.

Парень рухнул в воду, раздался довольный женский смех и громкое «квак».

«Агата сработала, как таран. Надо же – жаба-толстуха, а какая замечательная прыгучесть! – удивилась Алёна, вглядываясь в темные воды реки Корчи. – Но, кто там смеялся в воде? Матрёна?»

Матрёна весело скалила длинные, игольчатые зубы, ужасные, как у рыбы-пираньи. Как можно жевать подобной страстью, Алёна Дмитриевна не ведала, но, по всей видимости, как-то жевали – вон какие, гладкие, да упитанные русалки в подчинении у местного водяного водятся.

Совсем девушка продрогла ночью, у реки.

Торопливо натянув опостылевший сарафан, Алёна-Алёнка приготовилась к долгому ожиданию. Будь на месте Поинки она самолично, хорошо бы досталось обидчику и предателю. Думала женщина про Василько, а перед глазами Олег стоял, как живой. И, кто сказал, что Юлька сама додумалась тётку-разлучницу под машину толкнуть? Девчонка ведь совсем, зеленая. Наверное, посоветовал кто, жадный и опытный.

Но, русалки не задержались, выплыли очень быстро – Алёна даже гусиной кожей покрыться не успела.

Глаза водяных девушек сияли, будто звезды, рты до ушей растянулись, от чего красоты у них значительно поубавилось.

Полинка на мосток вылезла, Агату ласково поглаживать принялась по жирной спинке.

– Молодец ты, Алёнка. – одобрительно кивнула девушка-русалка. – Я, честно сказать, в тебя не верила. Думала, оробеешь ты и в бега кинешься. Теперь понятно, почему тебя баба Яга к себе затребовала. Решительная ты и смекалистая. Я и обомлела в тот миг, как ты сарафан с себя сбросила и сиськами трясти начала. Василько никак устоять не мог – падок он был на красу девичью.

– Не мог? – подняла бровь Алёна. – Что с ним теперь стало?

– На дне сидит, как привязанный. – засмеялась Полинка счастливо. – Весь он мой теперь – от пяток, до макушки. Мне его Карп Сазанович в полную власть отдал. Что захочу, то с ним и сотворю.

– Не весел, думаю, нынче с утра мельник будет. – хмыкнула Алёна, которой, ни в коем разе, не было жаль подлых парней. – Отлились кошке мышинные слезки.

– Верно сказано. – одобрительно оскалилась русалка, от чего её милое личико сразу приобрело вид хищный и жестокий. – Спасибо тебе, Алёнка, за то, что слово своё сдержала и договор наш не порушила. Нет меж нами теперь никаких долгов. Коли помощь тебе нужна будет, всегда обращайся. Поможем, чем сможем.

– Как же я к тебе обращусь? – удивилась Алёна. – Сама же мне говорила о том, что мне уходить надо, что баба Яга к себе требует. Баба Яга в лесу живет, ты – в реке, а про телефоны в вашей сельской местности, я пока что, не слышала.

– Так эхо водное на что? – округлила глаза Полинка, шлепнув хвостом по мостку и тут же получила оплеуху от своей, более старшей подруги.

– Не слушай ее, Алёнка. – Матрёна сердито зыркнула на младшую русалку. – Она от радости великой, ошалела совсем. Мелет, невесть что, за языком не следит. Ты, если надобность какая возникнет, к хозяину водяному обратись той речки, которая рядом с тобой ближе всего будет. Он нам передаст все в точности. Там, у Кудыкиной горы, речушка лесная протекает, Чернава. Хозяйина Ершом Линёвичем кличут. Не забудь.

«Ага, – подумала Алёна Дмитриевна, понятливо кивнув. – значит имеется в здешних местах особый вид связи, через реки и ручьи, и прочие жидкости. Водяное эхо называется. Очень кстати. Запомним на всякий случай.»

Русалка Полина, между тем, откуда-то, чуть ли не из-под чешуи, извлекла небольшой клубочек, нить которого светилась в ночи серебряным светом.

– Вот тебе, Алёнушка, клубочек волшебный. – склонив голову, русалка, показывая клубочек девушке. – Сама баба Яга его зачаровывала. Великой силы артефакт. Береги его – он тебя до самой избушки доведет, той, что в Дремучем лесу стоит, за Кудыкиной горой.

– На курьих ножках? – не удержавшись, пошутила девушка.

– Сама же знаешь, – удивилась русалка и руками развела. – что, на курьих. Хоть и много лет с тех пор прошло, как ты братца своего от гусей-лебедей спасла, в Дремучем лесу, сказывают, всё по-прежнему.

– За клубочек не бойся. – вмещалась в разговор Матрёна. – Нельзя его ни потерять, ни как-нибудь, по-иному, утратить. Он всегда к тебе возвращаться станет и путь нужный откроет.

Женщина, то есть, плиз, молоденькая девушка свела брови к переносице и, отступив подальше от мостков, внезапно спросила у обитателей речки.

– А, что будет, если я не захочу?

– Не захочешь? – лицо старшей из русалок как-то враз посерело и стало серьезным. – Чего именно ты не захочешь, девица?

– Не захочу к бабе Яге идти. – топнула ногой девушка, понимая, что это в её молодом организме бушуют гормоны Алёнки Васильевой и, как там говорится – детство в попе играет? –

Мало мне радости с лютой старухой встречаться снова. Помнится, в прошлый раз мы с братцем, еле ноги унесли из Дикого леса.

– Не дури, девка. – замахала руками Матрена, а Полинка плеснула в Алёнку пригоршню речной воды – охладить разгоряченное лицо и привести в чувство. – Плохо тебе будет, коли бабу Ягу не послушаешь. Не терпит она непослушников, осерчает, да и согнет тебя в бараний рог.

– Не хочу в лес Дремучий по собственной воле идти. – вздохнула растерянная девушка, не понимая, чьих чувств в ней сейчас больше – жительницы Земли или же, Аленки Васильевой. – Зачем мне это? У меня теперь новая жизнь начинается – прекрасная, полноценная, в молодом, здоровом теле. Ни поясница не болит, ни давление не скачет и с женскими делами, как мне кажется, все ладно будет.

– Точно, с ума сошла девка. – сокрушенно покачала головой Матрёна и скорбно поджала уголки губ. – Ты, дурища, и не умышляй о подобном, остерегись, коли тебе так твоя новая жизнь дорога.

– А, то, что? – подбоченившись, ухмыльнулась строптивница, понимая, что русалкам до нее не дотянуться. Мало ли – вдруг, местная нежить и нечисть в стоворе с бабой Ягой состоит? Они, конечно же, помогли девушке, но и она, как могла, хвостатым подсобила. Так что, квиты они.

– Ты, дева, – было заметно, что старшей русалке не по нраву вести подобные речи. – в своем мире, погибла, поди? Смерть приняла лютую и мучительную?

Алёна Дмитриевна вспомнила оживленную улицу, злополучный пешеходный переход, светофор и сильный толчок в спину. Затем, удар, страшная, одуряющая боль и чувство потери, безысходности, захлестнувшее ее. А, так же, торжествующий взгляд предательницы Юльки, ее злорадный смех и очень довольное лицо племянницы, убившей родную тётку.

Не сказать, что смерть женщины была мучительной – страшной и мгновенной, но вот тоски ей хватило. Тоски и чувства обреченности, злости на собственную глупость и сожаления о людской подлости.

– Можно, и, так сказать.

Голос русалки стал вкрадчивым.

– Тогда, подумай, вот о чем, глупышка – Алёнку нашу, из Рябиновки, баба Яга в гости уж второй год зовет, а дура-девка решила, что сможет от судьбы убежать и от лютой ведьмы ускользнуть, как когда-то в детстве сопливом. Только, беда, вишь, в том, что в прошлый раз, её с братцем старуха пощадила и подарила возможность домой вернуться, целыми и невредимыми.

– С, чего бы? – засомневалась Алёна Дмитриевна, хотя, всем своим опытом прошлой жизни, понимала то, что, захоти баба Яга, на самом деле, детишек в печь засунуть, на манер жаркого, то куда бы те от неё не делись. Что она, карга старая, не ведала о том, что в её лесу волшебном, говорящая печь имеется, яблонька дикая, да речка с необычными водами? А, гуси-лебеди, что, в раз, ослепли, оглохли и чутье потеряли? Где-то слышала Алёна Дмитриевна, что гуси, те еще твари – сторожа, ничуть не хуже собаки. В умных книжках, исторических, писали о том, что обычные гуси, дворовые, однажды, ухитрились великий Рим спасти от варваров, за что удостоены были больших почестей. Историю эту забавную, Алёна еще со школьных времён помнила.

Что до побега, то до того памятного раза, никто и никогда слыхом не слыхивал о том, что можно сбежать от хозяйки Дремучего леса.

Где-то внутри зашевелились неприятные воспоминания прошлой хозяйки этого тела, ожили крики сельчан, твердящих: «Ведьма!», «Ведьма!»

– Значит, – похолодела она, осознав страшную истину. – отпустила она нас. И меня, и Ивашку, брата моего маленького. Но, почему? Пожалела? Вряд ли.

Матрена плечами пожала, а, Полинка, та и вовсе, скорчила забавную рожицу.

– Кто знает мысли могучей ведьмы? – старшая русалка взглянула на небо, по которому медленно разливались яркие краски утренней зори. – Видать, придётся тебе, девка, службу сослужить какую. Сама скоро про всё узнаешь. А, коли, глупое удумала, то остерегись – ведьмы, они, злопамятные и мстительные. Алёнка ослушалась и, что? Чем это для неё закончилось? Смертью! Ты сама все видела, своими глазами. А тебя, баба Яга, в тело свободное затянула и душу твою в него засунула. Получается, должна ты ей – и за спасение, и за молодость, и за новую жизнь.

Алёна Дмитриевна нахмурилась еще больше – в долги она, и в прошлом своем облике ходить не любила, а уж начинать новую жизнь со старых долгов, совершенно точно, не стоило.

– Я никого об одолжении не просила. – упрямо закусил губу попаданка. – И просить никого не стану.

– Прахом рассыплешься. – прошелестел над речкой испуганный голос молодой русалки и, неожиданно поднявшийся ветер, начал трепать верхушки камыша. – Пропадешь, сгинешь за зря.

Алёна Дмитриевна невольно поежилась – может быть ей казалось, но послышался в свисте ветра, злорадный старушечий смех.

Девушку явственно зазнобило, зубы застучали друг от друга, лицо растеряло все краски.

– Ведьма! – метались в голове мысли встрепанными птичьими стаями. – Я слышу смех старой ведьмы!

– Теперь всё поняла? – старшая русалка вздохнула и взглянула на девушку без прежней приязни. – Глупая ты, хоть и другая совсем. Запомни, плохо будет не тебе одной, но и братцу твоему, родному. Ты, хоть и чужая ему душой, но кровь у вас одна, сродная. За что малец страдания нести будет? За строптивость твою?

Алёна Дмитриевна нехорошо прищурилась – на неё пытаются давить? Вот это нечестно! Шантаж называется.

– Про родителей вспомни, дева, что в лесу загнули. Случайно ли? Иль, от того, что ты взбрыкнула и приказа ослушалась? А мы ведь предупреждали тебя о последствиях.

Память Алёнки молчала, как убитая, но не верить русалкам у попаданки оснований не имелось. Может и вправду, предупреждали они девушку, но та, по причине молодости своей и упрямства, не вняла. В результате – погибли её родители, сама сгнула, освободив тело для души Алёны Дмитриевны Почесухи. Вместе с телом, на попаданку перешли и прежние долги Алёнки Васильевой.

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. – еще раз убедилась она в правдивости народной мудрости. – За всё надо платить и за вторую молодость, тоже.

Русалки синхронно кивнули и в руках у Матрёны засеребрился, всё тот же, заветный клубочек.

Девушка не злилась на хвостатых – они, как могли, убеждали её в том, что не стоит играть с могучими и непонятными, пока что, силами.

Попаданка приняла единственно верное решение и ей в ладошки упал артефакт. Она приняла на себя долги Алёнки, хотя, очень этого не хотела.

– Спасибо вам, дамы. – Алёна-Алёнка поняла, что настало время для расставания. – Помогли вы мне, единственные из всех жителей Рябиновки. Хорошие вы, хоть и нежить. Век не забуду.

– Нет, Алёнка, – покачала головой Матрёна. – не говори так. Мы – не хорошие, а хитрые, коварные и себе на уме. Не ошибись и не верь никому. Сегодня наши интересы совпали, а завтра.. Кто знает? Теперь, прощай. Пора нам – светает, рыбаки к реке потянутся скоро. Плохо будет, если тебя с нами заметят. Слов наших не забывай, – Матрёна взглянула на девушку

строго. – имя своё не говори никому. Ты, конечно, дурная девка, шептунья и упёртая, но жалко тебя.

– Прощайте. – Алёнка сердито поджала губы и подхватила на руки толстую жабу по имени Агата. Привыкла она к ней, что ли?

Русалки сверкнули серебряной чешуей и пропали, точно и не было их никогда, Алёна - Алёнка, вздохнув, побрела к прибрежным зарослям, разыскивать свою сумку.

Её, вскоре, ожидал долгий путь в неизвестность и опасные приключения.

*

Удивительное дело, но жаба по имени Агата, своему похищению не противилась. Она, словно лягушка-путешественница, стойко приняла изменения в своей жабьей судьбе.

Алёна не чувствовала себя виноватой в том, что насильно изменила упитанному земноводному ареал обитания. Один раз Агата уже оказалась полезной. Кто знает, может ещё какая нужда в жабе появится?

Кроме того, поговорить попаданке Алёнке особо не с кем было, а очень хотелось. Просто поболтать за жизнь, на Олега пожаловаться, на Юльку, на двух самых близких Алёне Прчесухе, людей.

Она зла никакого Юльке никогда не желала. Наоборот, думала о том, что, если племянница толковой окажется, хваткой, то всё дело любимое, строительное, ей оставить.

Своих-то детей у Алёны Дмитриевны Почесухи не было. И, никогда уже не будет. Не в этой жизни.

В этот самый миг Алёна остановилась, пораженная в самое сердце неожиданной мыслью – это у той Алёны, детей не было, а у этой, то есть, сегодняшней, у Алёнки Васильевой, вполне могли и случится. Новому биологическому телу всего семнадцать лет – целый выводок ребятишек накоплять можно, лишь бы здоровье не подкачало.

Судя по всему, здоровьем при рождении, Алёнку не обделили – крепкая девка уродилась и телом, и разумом. И всё это богатство, нечаянным образом, Алёне Дмитриевне досталось.

«Небось, не за красивые глазки. – задумалась женщина. – За всё в нашей жизни платить надо. И за вторую молодость, тоже. Что-то понадобилось бабе Яге, что-то такое, что местным не по силам, вот она и выдернула мою душу из мертвого тела несчастной Почесухи и воткнула в тело бедняжки Алёнки. Что ж, – Алёна Дмитриевна поправила суму, украдкой огляывая угол крайней избы. – чтобы то ни было, игра стоит свеч. Договоримся.»

Крайняя изба принадлежала Плетенниковым. Плетенниковы в дружбе с мельником состояли, значит, во всех их подлых делишках участие принимали, поэтому, Алёна, не испытывая угрызений совести, сдернула с веревки мужские порты, рубашку, да кафтан.

Она здраво рассудила, что в мужской одежде гораздо удобнее по кустам шастать, да по дёбрам лесным пробираться. К тому же, у посторонних вопросов к отроку меньше возникнет, чем к отроковице.

Шапкой попаданка разжилась, обокрав огородное пугало у тех же Плетенниковых. Пугало и без шапки красивое, а ей косу, от любопытных глаз, надёжно спрятать надо. Удобные кожаные башмаки у нее свои собственные имелись. После внезапного купания в реке они успели просохнуть, и женщина с удовольствием натянула их на ноги. Алёнка, небось, привычная босиком бегать, а вот Алёна Дмитриевна, нет.

Свои новые, пышные округлости попаданка спрятала под кафтан и решила, что сойдет. Ближко она ни с кем сходиться не собиралась – расспрашивать посторонних о дороге ей не нужно. У нее особый путеводитель имеется, самой бабой Ягой зачарованный.

Клубочек слегка светился в серых предрассветных сумерках. Увидь подобное чудо кто из обычных людей, то, совершенно точно, перед искушением завладеть дивной вещью, не устоял.

К счастью, посторонние, пока что, сидели по избам – ещё даже первые петухи пропеть не успели. Алёна, пользуясь памятью Алёнки, знала о том, что местные жители встают, как раз, с петухами.

Только, не мельник.

Скорчившись под толстым стволом поваленного бурей дерева, попаданка попыталась, как можно лучше спрятаться между могучих корней, облепленных грязью.

Забившись в самую глубь крошечной пещерки, образованной выворотнем, девушка молила богов о том, чтобы опасный человек прошел мимо и её не заметил.

Мельник показался Алёне крайне несимпатичным, страшным типом. Теперь она прекрасно понимала, почему та, прежняя Алёнка, так боялась отца Василько и Антипки.

Толстый, весь какой-то округлый, широколицый и скуластый, точно степняк, мохнатый по всему телу – через распахнутый, чуть ли не до пупа, ворот рубахи, отчетливо просматривалась буйная, курчавая поросль черной масти, Онуфриев быстро передвигался на крепких, слегка кривых в коленях, ногах.

Двигался мельник осторожно, можно даже сказать, вкрадчиво, широко раздувая ноздри широкого, слегка приплюснутого, носа.

– К реке поспешает. – догадалась Алёна-Алёнка, крепко вцепившись руками в собственную косу. – Видать, допросил мальчика и Кольша, спужавшись, ему всё и выложил, как на духу.

Попаданка похвалила себя за то, что, опасаясь за благополучие мальчика, ничего Кольше о собственных планах не сказала.

Мельник, гулко бухая ножищами, ловко запрыгнул на древесный ствол и замер.

– Учужл? – обмерла девушка, затаив дыхания и прикидываясь ветошью. – Прочь, прочь, пошел прочь.

Алёна всей душой ненавидела негодяя, по вине которого погибли её родители. Нет, разумеется, родителями они доводились её биологическому телу, но, странным образом, Алёна Дмитриевна и Аленка почти слились в одно целое, тело и душа становились едины, и женщина из другого мира очень быстро превращалась в обычную деревенскую девчонку из этого.

Мельник, потоптавшись, рысью двинулся дальше, а Алёна, начала тяжело и часто дышать, стыдясь собственного испуга.

– Когда-нибудь. – поклялась девушка. – Когда-нибудь, после того, как всё в моей жизни организуется и устаканится, я вернусь. Вернусь и отомщу за своих близких. Клянусь!

Где-то далеко, в заоблачной выси, громыхнуло – неведомые боги этого мира приняли клятву, данную молоденькой, испуганной девчонкой, в чьем ладном теле прижилась душа зрелой женщины из совсем другого измерения.

Это громыхание услышал и мельник.

Он опасливо замер, насторожился, задрал голову вверх и злобно оскалился.

Громыхание не повторилось.

Мельник пошевелил ушами – слегка заостренными и волосатыми, как и всё его тело. Мужчина сильно и даже, как-то зло, воткнул в огромный старый пень длинный нож, а затем, странно подпрыгнув вверх, перевернулся в воздухе, точно заправский акробат или, как странствующий скоморох.

На месте толстячка появился крупный волк – мощная, черная зверюга с острыми зубами, заполнившими здоровенную пасть.

Хищник злобно рыкнул и помчался к реке, не оглядываясь назад. Волколак спешил по своим делам.

Алёна, спустя некоторое время, рискнула и выползла из ямы. Вся её одежда, равно, как лицо и волосы, оказались перепачканы грязью, паутиной и чьим-то пометом, но девушка, все равно, была счастлива – ужасный человек прошел мимо.

Она снова уцелела, а грязь? Что, грязь? Её можно смыть в первом же ручье.

Часто оглядываясь, попаданка быстро побежала вперед, бросив клубочек в траву.

Волшебная вещичка не подвела – серебристое сияние, исходило от артефакта и вело Алёну к цели, точно путеводная звезда.

Где находится Кудыкина гора и Дремучий лес – конечная точка маршрута, беглянка не знала, но надеялась на то, что дорога не окажется слишком длинной и сил её нового, молодого тела, хватит на то, чтобы добраться до избушки на курьих ножках.

*

След сыновей привёл волколака к реке.

Огромный черный зверь, стуча мощными лапами по мосткам, склонился к самой воде и оскалился – где-то там, в самой глубине мутного омута, вяло шевелила плавниками огромная хищная рыба-сом, верный страж и охранник местного водяного, Карпа Сазановича.

Глухо зарычав волколак, капая слюной в мутные волны, попятился, отступая от воды подальше. Из волн медленно поднималась гибкая девичья фигурка, ударившая по воде серебристым хвостом.

– Мертвячка! – взревел волколак, грозным воем, оповещая русалку о том, что признал в ней виновницу гибели своих сыновей, но водяная девушка, игриво хлопнув по воде ладошкой, грозно оскалилась в ответ на волчий вой.

Хищные зубы нежити заставили волколака снова попятиться – он ещё не бежал, поджав хвост, но медленно отступая, двигался к спасительному берегу.

Из воды продолжали подниматься русалки – Полина, Матрена и многие другие несчастные девушки, нашедшие последний приют в глубоких водах реки Корчи. Не видно было лишь батюшки-водяного, но, какое дело водяному хозяину до злобствующего и беснующегося волколака?

Отступив, волк громко фыркнул и юркнул в кусты – он не собирался бездумно вступать в неравный бой с хищной речной нежитью. Но и прощать никого намерений не имел.

Волколак лишился своих верных сыновей-помощников, но, ведь они у него не единственные? Завтра же он отрядит мальчонку-батрака в дальнюю деревеньку и прикажет своим другим детям прибыть на мельницу.

Таинственный покровитель, защищающий мельника-оборотня от неожиданного визита богатырей царя-батюшки не примет во внимание горе отца, потерявшего сыновей. Разбой на дороге должен быть продолжен, а, как уж мельник это организует, хозяина не волновало.

Учуял волколак и запах Алёнки, но то, что испуганная деревенская девчонка может состоять в заговоре с коварной речной нежитью, ему и в голову не пришло – бежит, небось, сверкая пятками, куда подальше от Рябиновки, сама не своя от страха. Глупая девка надеется найти защиту у своего брата, но, пустое. В стольном граде у мельника имеются надежные друзья-подельники и они найдут чем встретить шуструю девчонку – крепким кистенем и острым ножиком.

– А, может, – ухмыльнулся волколак собственным подлым мыслям. – сгинет погань длинноногая в лесной чаще? Мало ли, чуд и страхов водится в диких дебрях? Где уж глупой девке уцелеть там, где исчезали целые отряды добрых воев?

Глава 4

Следовать за клубочком оказалось нетрудно – волшебный артефакт не петлял среди деревьев, не терялся в густом кустарнике, а спокойно катился по тропинке, при чём, делал это с приемлемой для девушки скоростью.

Тропинка вела попаданку через лес. Не через тот лес, дремучий и опасный, в котором, по слухам и проживала баба Яга, а через светлый березняк, под сенью которого, девушка чувствовала себя в относительной безопасности.

Память местной жительницы самым чудесным образом помогала вынужденной путешественнице в дороге. Алёна легко узнавала места, по которым, совсем недавно, бродила Алёнка Васильева – вот, здесь, они с матушкой и остальными деревенскими девушками, по весне добывали березовый сок, вот, знакомая полянка, богатая на грибы и ягоды, а, вот и густой орешник, тоже, весьма приметное и полезное местечко.

В выси, теряясь среди ветвей и густой листвы, громко стрекотали сороки, долбил сухой ствол красавец дятел, цокала незаметная белка и шуршал в кустарнике то ли еж, то ли, заяц.

Алёна шла за клубочком без страха – путь оказался ей хорошо знаком. Тропинка вывела к деревеньке Ждановке, а уж за Ждановкой начинался большой тракт, с которого, не так давно, свернула повозка, на которой сидели родители несчастной девчонки и она сама.

– Лучше б мы в стольном граде остались. – вздохнула Алёна Дмитриевна, почти полностью отождествляя себя с семнадцатилетней Алёнкой Васильевой. – у дядьки Афанасия.

Надолго у дядьки они остаться не могли – дела звали старшего Васильева в дорогу, вот он и отправился в путь, себе на погибель.

Стольный град прозывался Берестень – столица Берестяного царства, в котором правил царь. Да-да, самый настоящий царь, в берестяной короне – Иван Васильевич Третий, по прозвищу Добряк Ваня.

Именно при его дворе, в младших дружинных детях и состоял отрок Иван Прокопьевич Васильев, надеявшийся на то, что, рано или поздно, он станет богатырем и защитником всего Берестяного царства от врагов, лихих людей и нежити с нечистью.

Но, пока что, до богатыря Ваньке было очень далеко.

– А, жаль. – вздохнула Алёна, представив своего младшего братишку в ладных доспехах. При чем, виделся ей Ванька не в сверкающих латах, а в, обычном для ее земной жизни, камуфляже от Юдашкина, в бронежилете и с автоматом в руке.

– Автомат – это круто. – уныло подумала Алёна Дмитриевна, ловко перепрыгивая через рытвину, наполненную грязной водой. – Но, скорей всего, это будет копье, булава, как у Ильи Муромца и меч-кладенец.

Про меч-кладенец – это были домыслы попаданки. Она точно не знала, какое оружие используют местные вояки, но подозревала о том, что до огнестрела в Берестяном царстве, пока что, не додумались.

Ждановка показалась неожиданно – не было-не было и, вдруг, появилась.

Деревенька удобно расположилась на солнечном пригорке, радуя глаз белеными стенами, крышами, крытыми свежей соломой, а, кое-где, и гонтой, напоминающей по форме рыбью чешую. Мычали коровы – юный пастушок выгонял стадо за околицу, залиvisto лаяли собаки и драли глотки петухи.

Рабочий люд проснулся и приступил к делам – летний день длинный, но и зима не за горами.

«Как летом потопашь, так зимой и полопашь.» – вспомнилась Алёне поговорка и девушка решила ускориться. Ей не очень хотелось попадаться на глаза посторонним. Ждановка, конечно, не Рябиновка, но та, давняя история про гусей-лебедей была известна и здесь,

а уж Прокопия Васильева жители Ждановки хорошо знали и могли угадать в пришлой девушке его дочь.

С пастушком Алёна разминулась, избежала встречи и с любопытными кумушками, тащившими на коромыслах полные ведра воды.

«Баба с полным ведром, идущая навстречу – к удаче. – подумала Алёна, прилипнув спиной к бревнам крайней избы. – Мне таких на дороге штук пять уже встретилось.»

Выскочив за околицу, беглянка перевела дух – разумнее было бы Ждановку стороной обойти, но она же не робот и ноги у неё не казенные. Это, какой же крюк надо было бы дать! Упаришься бегать! А, так – нырнула в лесок за околицей и, поминай, как звали.

Алёна, ловкой лаской, шмыгнула в густой подлесок и не заметила, как внимательный взгляд лесной нечисти, провожает её гибкую фигурку.

Баламутень не успел вернуться в свое место обитания – песчаное дно мелковатого ручья до наступления рассвета и теперь, страдая от серого света раннего утра, отсиживался в густой тени. Он недавно поселился в этом ручье, любовно обживая новое гнездышко и нынешней ночью выполз на берег, чтобы приглядеть себе симпатичную подружку для любовных утех.

Баламутень считал себя писанным красавцем – большая голова, похожая на глиняный кувшин, раздутое пузо, одутловатое, белёсое тело, покрытое гусиной кожей, кривые ноги, длинный нос и лысая голова.

Разве какая девица устоит перед таким кавалером?

Баламутень у Ждановки появился совсем недавно и ещё не успел проявить свою подлую натуру во всей красе.

Жители деревеньки и не подозревали о том, какая радость их вскорости ожидает.

Из прежнего жилища, а обитал Баламутень в очень удобном местечке – глубоководном ручье, впадающем в небольшую лесную речушку, его безжалостно выгнали. И, кто? Свои же постарались, такая же речная нечисть, как и сам Баламутень, вступившая в противоестественный союз с человеком.

Баламутень уродился ужасно сластолюбивым и свою похоть холил и лелеял, завлекая в липкие сети молодых женщин, истосковавшихся по мужской ласке.

Обычно, вдовушек, лишившихся мужей, но не забывших о том, как это приятно, ощущать мужскую ладонь на сладком месте, обольстить было не трудно.

Но, какая же женщина, даже самая несимпатичная, добровольно падёт в объятия носатого уродца? Ясное дело, что никакая. Приходилось Баламутеню извращаться и пускать в ход свои чары.

Чары у него имелись, о-го-го, какие – любая женщина видела на месте водяной нечисти своего любимого – жениха, мужа или, просто, симпатичного ей мужчину.

Тем Баламутень и пользовался, увлекая добычу в свою нору, устроенную среди тины и поваленных ветром древесных стволов и там, наслаждаясь жаркими ласками одурманенной, обманутой миражом, жертвы, медленно тянул из несчастной жизненные силы.

Нечистью Баламутень являлся противной и мерзкой, но не смертоносной, в отличие от тех же упырей или, вурдалаков. Свои жертвы до смерти не примучивал и обычно выталкивал женщин из логова на третий-четвертый день, чувствуя пресыщение и легкую апатию.

После чего заваливался в спячку на целую седмицу, довольствуясь тем, что уже получил.

Очнувшись неизвестно где – в лесу, в пойме реки или на лугу, жертвы Баламутеня ничего не помнили и некоторое время витали в радужных мечтах, пугая родных людей пустыми глазами и странным видом.

Впоследствии, они полностью приходили в себя и забывали о происшествии.

Чем старше становился Баламутень, тем моложе были женщины, завлекаемые в его сладкие сети. И, всё бы хорошо, но, однажды, сластолюбивый уродец ошибся, позарившись на

молоденькую дочку старосты той самой деревеньки, что была расположена неподалеку от его логова.

Мало того, что дочка старосты оказалась непраздна, свершив страшный грех и спутавшись с кем-то из молодых односельчан, так еще, придя в себя после сладких грез, навеянных чарами Баламутеня, бросилась в ноги отцу, обвиняя во всем некое существо, обитающее в лесу и соблазняющего местных женщин, принуждая тех к сожительству.

Надо сказать, что хитрая девица не сама додумалась до такого – имелась у нее бабка, старая, но очень опытная, пожалевшая порочную дурочку и решившая спасти несчастную от отцовского гнева. Дело такое – девку, нагулявшую ребятенка и принесшую в подоле, могли и прибить потихоньку, дабы та не позорила свою семью и не вводила в смущение невинных и целомудренных односельчанок.

Как бы там не было, но староста осерчал – может быть, Баламутень своими похотливыми лапами нарушил какие матримональные планы местного главы, но, разгневанный папаша, отправив дочь на дальний хутор, дождался рождения младенца и благополучно этого младенца, ни для кого не желанного, утопил в реке, принеся в жертву батюшке-водяному.

Водяной проникся – не часто его баловали подобными жертвами. Не любили в Берестяном царстве тех, кто нежить и нечисть человеческим мясцом прикармливает, да невинными душами завлекает.

Староста просил об одном – наказать обидчика дочери, совратителя-обольстителя.

Водяной согласился, изгнав Баламутеня из своих владений и, на всякий случай, утопив неосторожного парня, виновного в соvrщении легкомысленной красотки.

Сама блудливая красотка отделалась легким испугом – её сослали на отдаленный хутор, выдав замуж за зажиточного, но, убеленного сединами, хозяина.

Там она обо всем и позабыла – и о Баламутене и о несчастном младенце, на которого ей даже взглянуть не дали.

Баламутень долго мыкался от одной речушки к другой, прячась в зарослях осоки и камыша и не рискуя вступать в конфликт с местными водяными и русалками. Водяные не любили конкурентов и пришельцев не жаловали, а русалки, они только в виду милые и приветливые. Знал Баламутень не понаслышке о том, какие страшные зубы у водяных девиц и какие острые когти. Очень хорошо помнилось Баламутеню о том, что именно русалки, изловив его при помощи заговоренной сети, сплетенной из волос утопленниц, жестоко избив и истерзав, выбросили на берег, вялиться на безжалостном солнце.

Хорошо ещё, что день тот, выдался облачным. Страдающий от побоев Баламутень, смог уползти с открытого места и, потеснив жаб в их обиталище, спрятал свою рыхлую тушку, закопавшись в вонючей тине с головой.

После длительных мытарств и скитаний, добрал он до этого ручья и не обнаружив поблизости никого из местной нечисти, начал обживать – устроил логово, проложил в густом тростнике тайные тропы и отправился на охоту.

Целую ночь напролет он бродил по берегу, опасаясь близко подходить к крайним избам – дворовые, банники и овинники пришельцев не жаловали, могли и побить, но так никого и не высмотрел. Ни одна из девиц не нарушила неписанный закон и ночью к ручью не пошла, да и вообще, ни одна из женщин за околицу носа не высунула.

А тут, поутру, и вдруг, такая удача – молодая, красивая и сама в лесную чащу забрела, к ручью направилась на рассвете.

Воспрянувший духом Баламутень увязался следом, радостно потирая липкие руки – добыча, ни о чем не подозревая, сама шла в расставленные сети.

Алёна, как жительница продвинутого, техногенного мира, слыхом не слыхивала о том, что ей нужно кого-то опасаться в светлом лесу, ранним утром, неподалеку от деревни. Нет, разумеется, встреча с русалками и некие расплывчатые слухи о водяном хозяине, Карпе Саза-

новиче, основательно потрясли её представления о мире и месте человека в пищевой цепочке. Раньше Алёна Дмитриевна, не без оснований, надо сказать, полагала, что самый страшный зверь на планете – человек. Человек, вооруженный автоматами, пушками, всякими там пулеметами и прочими орудиями смертоубийства, вплоть до атомной бомбы, конкурентов не имел. Любой хищник, будь он трижды клыкаст, зубаст и шипаст, пасовал перед разрывной пулей и очередь из крупнокалиберного пулемета.

В этом мире, куда так опрометчиво и не по своей воле, занесло попаданку, пулеметов не наблюдалось. И не было динамита, хотя бы для того, чтобы глушить тех же русалок. Да-да, глушить, самым банальным образом, как обычную рыбу в обычном пруду. Хвост есть? Есть. Плавники? Имеются. Значит, динамит – наше все.

Не было динамита, зато, имелись вилы, мотыги, мечи-кладенцы, дубинки и прочее колюще-режущее оружие.

И с таким скудным арсеналом местные жители умудрялись не только выживать, но и жить, вполне себе, припеваючи. Конечно, не бедный люд в черных деревнях, но богатеи, а были и такие, жили и не жаловались.

Так, вот – легкомысленная Алёна понятия не имела о том, что за ней увязался любвеобильный представитель местной нечисти.

Баламутень искусно маскировался, прячась среди густого кустарника и зорко следил за тем, чтобы жертва не свернула с нужной тропки.

Клубок уверенно катился к реке, сияя незаметно для всех, кроме Алёны Дмитриевны.

Баламутень артефакта не рассмотрел, иначе, трижды бы подумал о том, стоит ли ему связываться с аппетитной, но мутной девицей.

Алёна хотела пить. Пить не кипяченую воду, разумеется, негигиенично и опасно – можно подхватить холеру или дизентерию, но, что делать? Останавливаться на отдых и заваривать чай? Очень опасно.

Алёна банально боялась того, что мельник кинется в погоню и настигнет беглянку. Ожидать милости от бандита с большой дороги не приходилось. Лучше сейчас поторопиться и уйти, как можно дальше от опасного места. Тем более, что Онуфриев старший оказался волколаком. А, как вынюхает чего лишнего и станет на след? У волколака четыре лапы, зубы, опять же, не в пример длиннее, чем у Алёны Дмитриевны. Догонит и задерет, как тупую овцу, а Алёна Дмитриевна очень жить хотела. Пусть не в своем родном мире, а в мире сказочном, но, жить – дышать, любоваться синим небом и белыми облаками, влюбиться, наконец, в нормального парня и ребеночка родить. Почему нет? Тело ей досталось молодое, здоровое и, как подозревала попаданка, невинное. Красотой боги этого мира, судя по всему, Алёнку Васильеву не обделили. Так, почему и не замуж? Да, хотя бы и за богатыря? Может быть, даже за знаменитого Илью Муромца. Есть в этом мире такой богатырь, про то, Алёнка Васильева точно ведала.

Обедать путница решила в полдень, теми самыми продуктами, найденными в доме Васильевых. Продуктов нашлось не так, чтобы и много, но беглянка надеялась на то, что всегда можно извернуться и найти выход из сложной ситуации.

Можно заработать себе на пропитание. Правда, Алёна с трудом представляла, чем может заработать в этом мире глава строительной фирмы. Вряд ли местных крестьян интересуют тонкости отделки фасадов, качество определенной марки цемента и разруливание проблем с нерадивыми поставщиками.

Впрочем, молодая девушка не заморачивалась – в крайнем случае, она не постесняется попросить или даже украсть. Для выживания себя любимой, можно пойти и на крайние меры. Опыт похищения вещей у нее имелся – в сумке, потеснив Агату, находились стыренные у Плетенниковых штотки – штаны и рубаха. Шапку Алёна уже натянула на лоб, спрятав под ней, излишне длинную, по её мнению, косу.

Расслабившись, девушка потеряла бдительность и попалась.

Баламутень показался ей легкой тенью на свету, а, один раз взглянув в глаза нечисти, Алёна совершенно потерялась, мгновенно пав жертвой чар водного обитателя.

Темные, почти до черноты, глаза Баламутеня, утащили Алёну в зыбкую глубь помутненного сознания, а легкий свист, напоминающий нежную и печальную мелодию, заставил позабыть обо всем на свете.

Гнусно ухмыльнувшись, шлепнув яркими, отвислыми губами, Баламутень привычно ухватил девицу за талию и, кряхтя от напряжения, взвалил на плечо, ласково поглаживая добычу по упругой попке.

Девица и не вякнула, не пытаясь протестовать против столь фривольного обращения.

Продолжая лапоть зачарованную жертву, сластолюбец, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, поспешил в свое логово, а серебристый клубочек остался сиротливо валяться посреди лесной тропинки.

Алёна ощущала себя несколько странно – она снова находилась в своей уютной квартирке, в спальне, где царили хром и зеркала, красуясь перед любимым мужем Олегом в том самом, купленном с определенной целью, вызывающе алом, нижнем белье, украшенном стразами.

Белье было дорогим и красивым и отлично смотрелось на Алёне. Она знала это совершенно точно, потому что глаза Олега горели страстно и несколько плотоядно.

Любимый, удобно устроившись в уютном кресле, протягивал к женошке руки и нежно шептал.

– Иди ко мне, крошка! Покажи, что ты приготовила для меня, моя шалунья. Какие-такие прелести ты прячешь под своим обольстительным бельем?

Олег сроду не говорил Алёне подобных слов, приступая сразу к делу и предпочитая шептать милые глупости уже после завершения, так сказать, основного процесса, но происходящее, одурманенную колдовскими чарами, даму ничуть не смутило.

Люди меняются.

Олег протягивал руки и продолжал облизывать свои, излишне красные губы, Алёна нерешительно топталась на месте, а затем, неожиданно решила порадовать своего мужчину, устроив ему сеанс интимного танца.

Баламутень, широко распахнув хищную пасть, в совершенном обалдении наблюдал за тем, как его беспомощная жертва, индифферентно свисающая с покатога плеча, ожила, встрепенулась и, уцепившись обоими руками за ближайшую к ручью, молодую березку, легко выскользнула из хватки его лап, застыв в странной позе – выпятив вперед полные, аппетитные груди, оттопырив попку и запрокинув голову вверх.

От удивления Баламутень споткнулся и плюхнулся прямо в ручей. Упитанная жаба Агата, возмущенно квакнув, вывалилась из холщовой сумки и проворно спряталась в траве. Глаза земноводного пучились от удивления – подобного странного зрелища многоопытная Агата никогда не наблюдала.

Девица, сорвав с себя сарафан и оставшись в чем мать родила, принялась настойчиво приставать к несчастной березе. Она, то прижималась к ней грудью, то терлась задницей, то, зажимая ствол между стройных ножек, извивалась по – змеиному, тяжело дыша и тряся косою от возбуждения.

Непристойные телодвижения, заметь их обычные жители деревни, довели бы Алёну Дмитриевну до плохого. В лучшем случае, бесстыжую девку просто и без затей, забили бы камнями, в худшем – закопали бы в землю по самую шею и бросили гнить.

Но, посторонних зрителей на эротическом шоу, к счастью для попаданки, не оказалось, а, Баламутень.. Что, Баламутень? Поганый сластолюбец пучил глаза на женские выкрутасы и пускал слюни.

Танец вышел на славу – в здравом состоянии Алёна Дмитриевна подобных телодвижений, ни в жизнь бы, не повторила. Все эти томные выгибания, бесстыжие знаки и страстные охи-ахи, могли бы и статую возбудить, не то что создание из плоти и крови.

Проделывала она все эти безобразия резво, бойко и горячо, издавая при этом звуки, вполне определенной тональности, от звучания которых, белесое тело Баламутеня приобрело багряный оттенок и начало чесаться.

Нечисть чужого мира понятия не имела о стриптизе, а в ушах Алёны Дмитриевны звучала хорошо знакомая, тягучая мелодия, заставляющая извиваться молодое, сильное тело и принимать, немислимые в иной ситуации, позы.

Там, в женских фантазиях, Олег, определенно сошел с ума, впечатленный частным танцем своей супруги. Вскочив с кресла, парень, потряхнув длинными волосами, схватил Алёну в охапку и, швырнув женщину на кровать, впился в губы страстным поцелуем.

Вцепился, точно пиявка, присосавшись намертво.

Оторвав жертву от березы и проворно облизав упругую грудь длинным, липким языком, Баламутень затащил добычу в свое логово, раздвинул стройные ножки и, ухая от возбуждения, приготовился к самому главному. Прежде всего он намеревался попробовать добычу на вкус, а уж затем, приступив к пиршеству, основательно подкрепиться и получить заслуженное наслаждение.

Никогда, даже в самом начале их жаркого знакомства, Олег не вел себя столь страстно и нетерпеливо. Алёне было несколько жаль своего красивого белья, но волна удовольствия захлестнула её с головой. Она плавилась в опытных руках любимого мужа, точно воск, а он, поглаживая женушку по груди, потянулся к сокровенному местечку, заставив Алёну вытянуться и застонать от удовольствия.

– Каков шалунишка, – широко разведенные в стороны ноги, ничуть не мешали Алёне Дмитриевне наслаждаться процессом и содрогаться от волн оргазма, которые накатывали одна за другой. – Ох, как же мне хорошо, милый! Не останавливайся, любимый, только не останавливайся!

Естественно, Алёна обращалась к своему предателю-мужу, а не к страхолюдной нечисти. Это Олега она умоляла, это его ласки приводили женщину на пик блаженства.

Женщина орала в голос, возбужденная, горячая и готовая на все, а мерзкая нечисть, понимая, что добыча созрела, приготовился к самому главному – к пиршеству плоти и энергетическому вампиризму. Совмещая приятное с полезным, Баламутень тешил свою похоть и тянул из несчастной жизненные соки.

Правда, взамен он дарил женщине неземное блаженство. Что значит пара-тройка лет, украденных в процессе, коли жертва кричит не от боли, а от наслаждения. Глядишь, ей понравится, и несчастная начнет сама искать встречи с обольстителем, на радость безотказному охмурителю.

Бывало, что жертвы Баламутеня так и угасали, отдавшись приятным ощущениям и позабыв о том, что платить за удовольствие приходится собственной жизнью.

И, как только Баламутень нацелился взять главный приз и нырнуть в сладкую, влажную норку, насладившись торжеством и победой, в руку Алёны Дмитриевны, появившись из пустоты, сам по себе, прыгнул волшебный клубочек, зачарованный бабой Ягой.

Наваждение спало.

Алёна Дмитриевна, вскрикнув от отвращения, обнаружила себя, абсолютно голой, перепачканной тиною и слизью, извивающейся под каким-то страшным, немытым, покрытым бородавками, незнакомым мужиком, чья лысая башка маячила перед её, вытарашенными в изумлении, глазами.

И если бы только башка! Неумытая тварь, совершенно точно пыталась её изнасиловать! Лишить невинности и это при том, что сама Алёна Дмитриевна с этой самой невинностью

расставаться в самом ближайшем будущем, не собиралась. Чёрт возьми, да она только начала привыкать к мысли о том, что она молоденькая, чистая и невинная. А тут, такое безобразие! Порнуха в чистом виде!

Терпеть подобное бесчинство Алёна не собиралась. Ей не было никакого дела до похотливых потребностей наглого мужика, она не задумалась о том, как они очутились в странном месте, изображая борьбу в грязи. Нет, она просто поступила так, как на её месте, поступила бы, почти любая женщина, оказавшаяся в подобной ситуации – Алёна заорала во всю мощь своих молодых легких, заорала не от удовольствия, а от ужаса и омерзения, от души пнув поганого насильника коленом в то самое, горячо оберегаемое, место.

Уязвимое и весьма болезненное, место.

Разумеется, Баламутень не принадлежал к роду людскому. Он не имел ничего общего с человеком, кроме уродливой, гуманоидной формы. Однако, получив коленом в пах, Баламутень взвыл, как самый обыкновенный, ударенный мужчина и скатился со своей жертвы, зажимая корявыми руками причинное место.

Алёна разъярилась. Как же так – она, как тот Колобок, ускользнула от мельника и двух его похотливых сынков, а на ее добродетель снова покушаются. И, кто? Какой-то немый урод, страшный и похотливый самец, принадлежащий к, неизвестному ей виду существ, топчется по её драгоценному газону? Мнёт пышный мех и разрешения не спрашивает? Полно, а разумен ли этот конкретный представитель непонятного вида или он живет примитивными инстинктами, а, именно – жрет, срет и пытается размножаться.

Нет, рассмотрев насильника поближе, Алёна твердо решила – такое размножаться не должно, ни в коем случае, права не имеет.

Баламутень прожил долгую, по людским меркам, жизнь, познав огромное количество девиц, но еще ни разу его чары не давали осечки.

Как же так? Ошеломлённая оказанным сопротивлением нечисть выглядела подавленно и испуганно – Алёна, впадшая в раж, продолжала пинать странное создание ногой, обутой в добротный, кожаный туфель, а жаба Агата, выпавшая из сумки в процессе похищения, раздувшись от важности и пуча глаза, громко квакала, точно возмущенная мамаша, поймавшая соседского парня за лапаньем своей целомудренной дочурки.

«Целомудренная» попаданка, в последний раз пнув существо ногой в живот, гадливо скривилась.

– Вот же мерзость. – сплюнула Алёна, утирая рот, полный горькой слюны. – И эта мерзость совала свой язык *туда?* – женщину передернуло от отвращения. Возникла стойкая потребность в незамедлительной помывке, желательно в горячей воде и с дезсредством. – Еще заразу какую от тебя подцеплю. – скривилась Алёна. – Интересно, какая мать родила подобную тварь?

Тварь возмущенно булькнула, колыхнув белесым брюхом – логово Баламутеня оказалось разгромлено, сам он – избит и перепуган, а попаданка, благодарно погладив клубочек бабы Яги, злобно скривилась.

– Ну, падаль, – рыкнула она на нечисть, которого слегка потряхивало от ужаса. – ты мне должен, гад. Вся из-за тебя в грязи извазюкалась.

Баламутень понял, что влип – нечисть он или нет, но в волшебном мире существуют свои законы. И он, выползая из грязной лужицы, в которую превратилось его, совсем еще недавно, уютное логово, бухнулся в ноги страшной женщине, отлупившей его.

Баламутень униженно кланялся, признавая право сильного, а Алёна, таращившая глаза на этакое чудо, понимающе хмыкнула.

– Боишься? – фыркнула она. – Правильно делаешь – баба Яга, женщина сурьезная, а я, как-никак, но её эмиссар. Понятно изъясняюсь, уродец? Эмиссар – это значит, «доверенное лицо», тупица.

Нечисть притих – баба Яга обитала где-то далеко, за Кудыкиной горой, но репутацию имела ещё ту. Такие создания, как Баламутень, ей на один зуб. Да, на тот самый, железный, а там, ещё, вдогонку, и костяной ногой прилететь может.

Жаба что-то заурчала на своем жабьем языке и Баламутень мелко затряс подбородком. Выглядело это отвратительно и мерзко. Алёну Дмитриевну передернуло – и, вот это существо она приняла за Олега?

«Страшное колдовство, – подумала попаданка, старательно маскирую собственный испуг под маской надменности. – если бы не клубочек бабы Яги, быть мне изнасилованной и сожранной. Надобно узнать побольше о местной флоре и фауне – вдруг, этакое несуразное и опасное, здесь не в единственном экземпляре водится. Фу, погань! Хорошо, очнулась вовремя от наваждения. Я, конечно, желаю встретить мужчину своей мечты, влюбиться, отдаться ему в порыве страсти и нарожать детишек. Но, *это*? Нет, *это*, совершенно точно, не мужчина и, тем более, не мужчина мечты.»

– Должок за тобой, урод. – напомнила Алёна, наскоро ополоснувшись в мелком ручье и снова натягивая на влажное тело опостылевший сарафан. – Смотри мне, мерзавец, я тебя, в случае чего из-под земли достану.

Жаба одобряюще квакнула, и сама заползла в сумку.

Алёна вздохнула – её убивало отсутствие нижнего белья. Сейчас сошло бы любое, пусть и не такое красивое, как у нее было в том мире.

Оглянувшись напоследок, женщина не заметила своего обидчика – на берегу ручейка осталась сохнуть на солнышке неопрятная груда изломанного камыша и поникшая березка, столь успешно заменившая шест неумелой танцовщице.

Алёна густо покраснела – докатилась, мать! Это же надо – перепутала своего предателя-мужа с местным мутантом. Совсем сбрендила и расслабилась.

«Это тебе не твой родной город, детка. – подумала попаданка. – Здесь надо держать ухо востро, а иначе..»

Что, иначе, было понятно без слов – изнасилуют и убьют, принесут в жертву или продадут в рабство. От местных жителей можно было ожидать чего угодно, но, вряд ли, гуманности. О правах человека, в здешних глухих местах, вряд ли кто слышал, а, уж, о толерантности не стоило и заикаться.

Отряхнувшись и все еще кривясь от брезгливости – казалось, густая слизь существа расползлась по всему телу, девушка наскоро обтерлась, стирая слюни похотливого уroda с собственного тела.

– Рубашку придётся стирать. – вздохала попаданка, наскоро споласкивая одежонку в ручье. Неприятно, конечно, путешествовать в мокром, но, что поделать? Соваться в Ждановку за обновками было опасно. Кто знает, во что местные селяне наряжают своих пугал?

Натянув на голое тело влажную рубаху, сердито цыкнув в сторону измятых камышей, Алёна двинулась вперед, следом за волшебным клубком, гадая о том, что ждет её впереди и холодея от дурных предчувствий.

*

– Это за какие-такие заслуги, Белкиным такое счастье подвалило? – брызгая слюной, вопил староста деревеньки Рябиновка, надвигаясь упитанной тушей на лесника, Тит Михайловича. – Не знаю я ни о каких Белкиных, а с добром Васильевых поступим, как общество решит, раз уж сгинули они все.

– Все, да не все. – прогудел Тит Михайлович, усмехнувшись в седые усы и наблюдая за потугами местной шишки присвоить то, что ему не принадлежит. – Жив Ваньша..

– Ваньша в служивые подался. – староста, Митрохан Сорока возмущенно засопел. – Он теперича к нашему обществу отношения не имеет и потому..

– Алёна Васильева грамотку отписала. – Тит Михайлович строго взглянул на старосту, а затем и на многочисленное семейство Белкиных, глазевших на него с робкой надеждой. – Все, чин по чину, как и положено. Сам посмотри. – и протянул берестяную грамоту старосте.

Митрохан сердито засопел – грамоту он разумел плохо, но Тит Михайлович, как ни крути, врать в таком важном для Рябиновки, деле, не станет.

– Белкиным, так, Белкиным. – махнул рукой недовольный Сорока, понимая, что урвать лишнее для себя любимого, в этот раз не получится. – Нехай забирают, чего уж..

Белкины радостно загудели, поклонились в пояс Тит Михайловичу и помчались заселяться в новую избу, добрую и теплую, да радоваться хозяйству – своей коровенки-кормилицы у Белкиных не было.

Онуфриев, чутко прислушивавшийся к разговору, злобно скривился – жива ведьма, проклятая! Из-под самого носа волколачьего улизнуть ухитрилась! Везет Алёнке, точно сама баба Яга ей ворожит!

Но, в сказки про бабу Ягу мельник не верил – где баба Яга, а где Алёнка Васильева, всех талантов которой лишь на длинную косу хватает. Нет, надобно в стольном граде девку искать, возле терема боярского, в который ее стряпухой взять обещались.

И, грузно переваливаясь с ноги на ногу, мельник направился прочь от каменного дома старосты – споры о чужом имуществе оборотня не интересовали.

*

В полдень Алёна решила передохнуть и выбрала укромное местечко, опять же, на берегу ручья.

Шанс встретить еще одного похотливого гуманоида, конечно же, имелся, но она надеялась на то, что снаряд, дважды в одну воронку не падает.

Жаба уползла по своим земноводным делам, проворно утянув упитанную тушку в заросли зелёной травы. Алёна стащила с ног башмаки, сполоснула ноги в ручье и стянула с себя потную рубаху. Ужасно раздражало отсутствие трусов, дезодоранта, крема для рук и ортопедической подушки под головой.

Да и пища, приготовленная в дорогу, была грубой и не особо вкусной.

– Да, Ленка, – грустно взглянув на краюшку ржаного хлеба, луковицы и пару корнеплодов, опознанных, как «репа», подумала попаданка. – это тебе не ужин в элитном ресторане. Но, сойдет по сельской местности.

Рева Алёну не впечатлила ни разу – непонятный, безвкусный корнеплод. Вспомнилась вареная картошка из родного дома, то есть, из дома Алёнки, в животе заурчало, но попаданка уладила голод, напившись воды из ручья. Некипяченой.

Разжечь огонь, пока что, было нечем. Как это сделать без спичек, иномирянка не знала, а спросить было не у кого. Не у Агаты же спрашивать – вон она, сидит напыжившись, на солнышко выползла.

Иногда Алёна ловила на себе, удивительно разумный взгляд жабы, но отмахивалась – привидится же. Разумные жабы встречаются только в кино и то, преимущественно, в мультфильмах. Попаданка была готова поверить в русалок, водяных и во всякую иную чертовщину, благо, в свое время, романов на эту тему прочитано было немало, но, в разумную жабу? Нет, на подобное у маститых авторов-фантастов фантазии не хватало.

Обеденный сон отдыха усталому телу не принёс – спать на голой земле оказалось не так приятно, как представлялось. Кулак под головой служил плохой заменой подушке, а трава-мурава не могла сравниться с ортопедическим матрасом, к которому привыкла Алёна. Вообще, не хватало удобств и комфорта. И, борща.

«Долго на подножном корму я не протяну. – с грустью подумала женщина. – Отощав. Придется рискнуть и зайти в деревню.»

Денег у нее не было от слова «совсем». Всё богатство беглянки – ворованная мужская одежда, дырявая шапка, жаба в сумке, сарафан и туфли на ногах. Крестьяне же, как ей думалось, никого за просто так кормить не станут. Не тот менталитет. Придется отработать.

«И, что же ты умеешь делать, красавица? – с грустью подумала Алёна, рассматривая свои ладони. Нормальные ладони, с трудовыми мозолями. Не смотря на зажиточность, глава семейства Васильевых своей дочери лентяйничать не позволял. – Корову доить, огород окучевать? Что ещё?»

Попаданка вздохнула – ничего, кроме вышеупомянутого, на ум не шло.

– Разберемся. – девушка тряхнула волосами и решительно переплела растрепанную косу, сделав это очень умело. Но, это был навык Алёнки, а не самой Алёны Дмитриевны, которая привыкла стричься коротко и стильно. Длинные волосы раздражали, но приходилось терпеть – как помнилось Алёне, еще из того, прошлого мира, в патриархальном обществе стригли женщин за какие-нибудь провинности. Ну, это, в том случае, если она все правильно помнила.

Испытывать судьбу попаданка не собиралась – обрежешь косу, а тебя за гулящую примут или, за преступницу. И то, и другое, чревато неприятными последствиями, а ей и без того невесело.

До ближайшей деревни еще топать и топать.

Алёна шла вслед за клубочком, двигаясь по обочине обычной грунтовой дороги. Конечно, грунтовой – об асфальтовом покрытии в Берестяном царстве никто и понятия не имел.

«Угрозило же попасть, – размышляла Алёна над прихотливыми шутками мироздания. – нет бы, куда в продвинутое место свалиться. В будущем, в котором имеются космические корабли, летающие в гиперпространстве, роботы-искины и прочие блага. – женщина вздохнула. – А, может и хорошо, что сюда попала, – подумала она. – вдруг, там, в будущем ядерная война случилась или, мертвецы восстали? Или, еще какой армагеддон произошел?»

Содрогнувшись, она ускорила шаг – в деревню необходимо попасть до ночи, а то, стучи-не стучи, двери никто не откроет.

Деревенька называлась Кукушкино. Кукушек и впрямь, в окрестностях, водилась целая прорва – куковало из-за каждого куста, Алёна устала спрашивать птиц о том, сколько ей жизни отмеряно. Складывалось впечатление, что, если верить предсказанию птиц, жить ей вечно, до тех пор, пока сама от бесконечной жизни не утомится.

Деревня, как помнилось Алёнке, была обнесена частоколом. Не особо высоким, но, всё же.

Это, знающему человеку, говорило о том, что где-то поблизости, скорей всего, в лесу, обитает нечто опасное для деревенских жителей, по большей части зубастое и с когтями. Ага, с добрый локоть величиной.

Алёна про опасности не знала и двигалась неосмотрительно, напрямки, решив срезать крюк. Она направилась через луг, поросший высокой травой, скрывшей девушку почти с головой.

Никого не встретила, хотя жаба Агата опасно копошилась в котомке.

Клубочек катился с одной скоростью, приноровившись к ходу попаданки, а тут, замер, подпрыгнул на одном месте, словно пытаясь привлечь внимание к своим странным действиям.

– Чего это он? – оторопела Алёна. – Пришли, никак? Не очень, то, этот луг похож на Кудыкину гору.

Клубок прыгал, прижимая к земле какой-то пучок травы, торчавший прямо и вызывающе. Алёна озадачилась и подозрительно взглянула на сорняк.

– Не стал бы этот навигатор просто так тормозить. – решила она. – Предлагают задаром, значит, будем брать.

Травка выдернулась легко, как была – с верхками и корешками. Зачем она ей может понадобиться, Алёна не знала, но, подумала, что пригодится.

За частокол проникла без проблем – ворота, пока что, были открыты. Впрочем, в случае нужды, Алёна и через забор скакнула бы, точно козочка – у молодого тела силы на то, хватило бы.

Недолго думая, направилась к крайней избе. Выглядела изба небогато, но, по убеждению Алёны, бедняк бедняка поймет лучше, чем богатый нищего. А, она и была, почти что, нищей, как ни крути.

По двору сновала молодуха – хлопотала по хозяйству, в зыбке орал щекастый младенец, кудлатый пес чесал за ухом левой лапой.

– Хозяева, – окликнула Алёна, просунув голову в дыру в хлипком заборе. – не дадите ли водицы напиться усталой путнице, а то, так кушать хочется, что и переночевать негде.

Молодуха на мгновение подвисла, сбившись с шага. Младенец заткнулся, перестав завывать, точно баньши, о которых в здешних местах слыхом никто не слыхивал, кудлатая псина вспомнила о своих должностных обязанностях и нестрашно оскалила зубы. Зубы были сточены, а шерсть пса отливала серебром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.